

Беседа у камина

Алла Потехина

№7

Алла

От редакции

2

Стихи

Гриин Алекс	8
Марк Роман	9
Карелин Олег	16
Гладких Иван	17
Гардаш Юрий	20
Мударова Луиза	20
Марина Киевская	25
Кулик Анна	30
Вахрейн Артем	38
Комарова Светлана	38
Малов Дмитрий	56

Проза

Дурягина Светлана «БлАзнит»	3
Жариков Владимир «А за окошком месяц май...»	10
Склизкова Валентина «Всего лишь собака»	18
Новоженова Валерия «Мамка»	22
Рожков Александр «Небо»	28
Исаева Мария «Как расстаются любимые»	39
Филиппенко Елена «Магнит смерти»	44
Ронжина Маргарита «Двойная сплошная»	57

Публицистика

Машино «История в сосиске»	31
----------------------------	----

Наши друзья

Левченко Дмитрий «Фуфелёк»	52
----------------------------	----

Рисунки и фотографии

Потехина Алла	Обложка, 8, 37
Лёгенькая Анна	7, 21, 43
Уваровская Татьяна	15



Здравствуйте, дорогие читатели!

Прежде всего, хотим принести извинения за долгий перерыв: дела, дела. Так совпало, что вся редакция по очереди не имела возможности заниматься газетой. Но вот мы вернулись со свежими силами и свежими идеями.

Пока напишем о том, что мы уже готовы воплотить в жизнь, остальное будем рассказывать по мере созревания.

Итак: начиная с этого номера на газету можно подписаться. Мы начинаем рассылку номеров всем желающим. Есть два способа получения новых номеров:

1) в качестве прикреплённого документа к сообщению социальной сети ВКонтакте.

Что бы получать номера этим способом, нужно добавиться в друзья с пометкой «подписка на БУК» к следующему контакту: id72269121.

2) на электронную почту. Что бы получать номера на электронную почту, нужно прислать письмо на наш почтовый ящик (gazeta_buk@mail.ru), в теме письма писать ту же пометку: «подписка на БУК».

Кроме того, изменится график выхода номеров. Теперь газета будет выходить не раз в два месяца, как раньше, а раз в квартал. Надеемся, что от увеличения времени подготовки номеров повысится их качество.

И последнее нововведение на данный момент: со следующего номера начинает работу рубрика «Работа над ошибками». Суть рубрики в следующем: группа экспертов помогает автору доработать текст. В номер идут два варианта текста и некоторые моменты работы над ним. Набор желающих получить квалифицированную помощь уже начат в нашей группе вот в этой теме: http://vkontakte.ru/topic-5903087_24789704.

На этом, пожалуй, и закончим своё вступительное слово. Приятного чтения.

P.S. Ещё раз приносим свои извинения за постоянное откладывание выхода номера. В последний раз нам помешали технические неполадки., из-за которых номер выйдет на месяц позже предполагаемого по новому графику срока. Следующий номер планируется в сентябре, как и должно было быть по новому графику.

Редакция БУКа



Светлана Дурагина Блазнийт

Кто из вас, читатели, хотя бы раз в жизни не испытал мистического ужаса перед чем-то, чего здравыми размышлениями объяснить нельзя? Наверное, только те, кого судьба оберегает от трагических событий, и они шагают по жизни, точно зная, что человек произошёл от обезьяны, что душа — это выдумка попов, а после смерти ничего нет, и поэтому жить надо весело и легко, не забивая себе голову поисками ответа на вопросы: что такое «хорошо» и что такое «плохо».

К такой категории людей и принадлежали две подружки-студентки первого курса Вологодского пединститута Ленка с Маринкой, которые, сдав летнюю сессию, собирались в составе институтского стройотряда поработать в Бабаевском районе. Не то, чтобы деньги им были очень нужны, а просто хотелось новых впечатлений, знакомств, тем более, в деканате они слышали, что повезут их в неопишуемой красоты места, где живут удивительные люди — вепсы.

До Бабаева летели на самолёте, потом небольшой участок пути тряслись на рейсовом автобусе, затем пересели в тележку попутного «Белоруса», а последние восемь километров шли пешком. Отряд был целиком девичий, поэтому вековой лес, вплотную теснящийся к просёлочной дороге, стонал и гудел от песен, хохота и взвизгиваний студенток, которые нет-нет, да и зачерпывали из глубокой колеи грязи в резиновые полусапожки. Становилось темно и прохладно. Дороге, казалось, не будет конца. Девчонки приутихли: устали. И вдруг лес кончился, впереди и внизу они увидели круглое озерцо с черными банями на берегу и десятка два домов. В самом центре деревни над крышей одного из них трепетал алый лоскут. «Сельсовет», — решили девчонки и из последних сил потянулись туда.

Деревенские собаки особого внимания к гостям не проявили, так же, как и бригадир с деревяшкой вместо ноги, который встретил их на крыльце сельсовета. Оглядев с высоты трёх ступенек пёструю и по-городскому полуголую девичью команду, бригадир поскрёб в затылке заскорузлой пятерней (при этом козырёк кепки наехал ему на свекольного цвета картофелеобразный нос), почему-то тяжело вздохнул и пожаловался самому себе:

— Эх, едрит твою через коромысло, какие нынче у меня работники-то!

Потом он вернул кепку на законное место, неуклюже спустился с крыльца и без особого энтузиазма в голосе скомандовал:

— Ну, девки, ступайте за мной! — и захромал к светящемуся посреди деревни синим оком озерцу.

Дом, к которому бригадир привёл девчонок, стоял на берегу и удивил тем, что состоял из двух половин: летней и зимней. Дверь была не заперта, и глазам студенток, толпой ввалившихся следом за бригадиром в дом, предстал во всей красе его хозяин: на полу среди батареи пустых водочных бутылок, широко раскинув руки и ноги, спал мужичок в майке и мятых брюках. После того, как бригадир потыкал его в бок деревяшкой, мужичок резво вскочил и, осоловело моргая в пространство, плохо гнущимся языком произнес:

— Куда едем-то, Никодимыч?

Бригадир, крикнув, строгим голосом ответил ему:

— Ну, вот что, Иван, энти вот студентки будут жить у тебя, а работать в колхозе. Ты смотри, давай, девок не обижай!

Мужичок, оглядев девичью команду, удивлённо присвистнул непослушными губами, поддёрнул спадающие с тощего зада штаны и миролюбиво согласился:



— Да ладно, мне что, пускай живут в зимнике.

Мебели в зимней половине на двенадцать человек оказалось маловато: кровать с блестящими никелированными шарами на спинке, самодельный деревянный диванчик, некрашенный стол и такие же лавки вдоль стен. Больше всего места в избе, как водится, занимала огромная глинобитная печь, уставленная чугунами и крынками всех калибров.

Спальные места распределили без драки: Света-большая взгромоздилась на кровать (спорить с ней, уважая её рост и вес, никто не стал); деревянный диванчик достался Маринке, как старосте, и Ленке, как её подруге; остальные заняли плацкорт на полу, подложив под бока все, что нашлось тряпичного в доме: половики, фуфайки и даже валенки.

Утром бригадир принёс полмешка семечек и объявил, что «покуда другого провианта нету». Но Ванька Красильников (так представился студенткам хозяин дома и он же водитель колхозного автобуса) великодушно предложил «постоялкам» копать у него в огороде картошку, и, приунывшие было девчонки воспряли духом.

Первые несколько дней им предстояло сушить зерно. Механизмы на сушилке обслуживал местный парень Коля, худощавый, небольшого роста, светловолосый, с ласковыми синими глазами. По всему было видно, что девчонки ему нравились все сразу: ухаживал он за каждой, но благоговел лишь перед Светой-большой, которой был по плечо.

Вечером Коля с гармошкой приходил к студенткам в гости, скромно садился у порога и тихонько наигрывал «страдания», а Света-большая благосклонно взирала на него сквозь очки со своего пружинного никелированного ложа.

Деревенские парни тоже приезжали в гости, каждый на своём тракторе. Они окружали дом грохочущими и воняющими выхлопами солярки гусеничными монстрами, светили в окна фарами. Вечно пьяный Ванька Красильников хватал топор и грозился перестрелять всех этих придурков. Но дело обычно заканчивалось тем, что Света-большая, обняв его за мосластые плечи, добродушно басила: «Ваня, плюнь, пойдём, покурим», — и свирепый страж затихал, уткнувшись носом в Светину подмышку.

В субботу бригадир велел Ваньке истопить баню. Тот исполнил приказание, и после обеда, как всегда не постучавшись, ввалился на зимнюю половину и громогласно скомандовал:

— Девки, в баню!

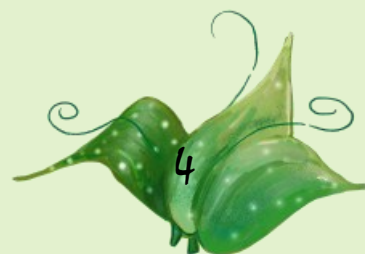
Девчонки, в предвкушении горячей воды и парилки, радостной гурьбой отправились за ним. Бани в деревне топились по-чёрному, электричества в них не было: мылись с керосиновой лампой, вокруг которой клубился дымный воздух. Первой не выдержала Маринка и с криком: «Девчонки, за мной, в озеро!» - сиганула в дверь. Озеро находилось в двух шагах от бани. За старостой с визгом высыпали остальные.

Когда они промыли глаза, то увидели сидящих рядком на берегу деревенских ухажёров, которые с интересом рассматривали обнажённых студенток. Девчонкам захотелось утопиться, и если бы не Коля, может быть, бригадиру с Ванькой пришлось бы вылавливать из озёрных вод двенадцать утопленниц. Коля появился у озера, словно с неба упал, подошёл к парням и тихо сказал им что-то по-вепски. Они нехотя поднялись и ушли, а с ними и Коля.

Вечером, когда девчонки укладывались спать на полу в своём зимнике, Света-маленькая запустила подушкой на кровать и громко заявила:

— Все, девки, надоела мне эта половая жизнь. Завтра Коля придёт — поцелую его и попрошусь в квартиру.

Света-большая сползла с кровати, засучивая рукавчики ночной рубашки. Света-маленькая улепётывала от неё вокруг печи, отбиваясь чугунами. Девчонки стонали от



хохота, грохот и визг стояли невероятные, пока Маринка официальным тоном не приказала прекратить побоище.

В воскресенье днём Коля катал студенток по озеру на лодке-долблёнке, а вечером, засветив на корме фонарь, бил острогой рыбу. Девчонки зажарили её на противне, наварили Ванькиной картошки и устроили пир на весь мир. А Коля играл на гармошке и ласково улыбался синими глазами.

С понедельника бригадир перебрал студенток с зернотока на уборку льна. С утра капал дождь, а после обеда грело солнышко. Девчоночьи джинсы на коленях сначала намокали, потом высыхали и деревенели, насыщенные грязью с льняных снопов. У студенток появилось выражение: «Поставь свои штаны в угол». А в среду в колхозе давали получку. Когда-то А.С. Пушкин сказал: «Не дай вам Бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» Если бы классик жил в наше время, наверняка фраза эта видоизменилась бы таким образом: «Не дай вам Бог увидеть русскую деревню в день получки!» Пьяны были все: от мала до велика.

Время близилось к обеду. Девчонки, не разгибая спины, трудились в поле, изредка поглядывая на поляну с зарослями кустарника посередине, по которой на гусеничном тракторе катались, выписывая немыслимые кренделя и горланя песни, деревенские парни (человек семь в кабине, не считая гармошки и собаки). Наконец они укатили в деревню, а девчонки добрались до поляны и решили отдохнуть. Маринка направилась к зарослям кустарника, но вдруг отпрянула и с разинутым в немом крике ртом побежала назад.

Перепуганная Ленка кинулась к ней, а та вцепилась ей в рукав и, захлёбываясь рвотой и слезами, истерично закричала:

— Не ходи туда, не ходи! Зовите бригадира!

Самые смелые все же подошли к кустам, и то, что они там увидели, наверняка, запечатлелось в их памяти на всю оставшуюся жизнь: в зарослях лежал Коля с раздавленной гусеницей трактора головой.

Трясаясь от ужаса, плача, спотыкаясь о пласты развороченной земли, девчонки бежали с поля, не останавливаясь, до самого дома. Кое-как успокоившись, умывшись, легли спать.

Тёмная сентябрьская ночь смотрела в окна. Маринка с Ленкой лежали на своём деревянном диванчике молча, и каждая думала про другую, что та спит. Ленка не могла сомкнуть глаз. Размытый силуэт умывальника, который висел у двери напротив дивана, маячил перед глазами. Изредка тягучая капля глухо шлёпалась с железного носика в огромный оцинкованный таз, вмещавший ведра два, который дежурные обычно по вечерам выносили втроём. В трагической сумятице дня про таз забыли, и теперь он стоял, полный до краёв, и лунные блики отсвечивали с гладкой водной поверхности. Таз стоял на крышке подпола, которая густо заросла по щелям годами накопленной грязью и не открывалась, как потом выяснилось, уже много лет.

И вдруг Ленка увидела, как абсолютно бесшумно, медленно эта крышка вместе с тазом стала подниматься, а под ней в темноте комнаты зияла плотная чернота, от которой ощутимо потянуло ледяным холодом. У Ленки волосы на голове зашевелились от ужаса, она крепко прижалась к Маринке и дрожащим шёпотом спросила:

— Ты спишь? — и прежде, чем та ответила:

— Нет, — услышала, как у подруги стучат зубы.

— Ты видишь?

— Да!

А крышка поднялась уже довольно высоко, но вода из таза не проливалась. И тогда Маринка с Ленкой, вцепившись друг в друга, пронзительно завопили:

— А-а-а!



Крышка захлопнулась. Все вскочили, включили свет, из летней половины примчался всклокоченный Ванька. Долго не могли выяснить, что же случилось. Наконец, трясущимся и плачущим подругам брызнули в лица водой, и они, немного придя в себя, рассказали, в чем дело. Ванька рассвирепел: он решил, что это деревенским оболтусам захотелось попугать студентов, и они с улицы залезли в подпол, чтобы проникнуть в зимник. Однако при проверке оказалось, что единственное окно в подвал, заколоченное хозяином несколько лет назад, никто не трогал, а крышку, как Ванька ни дёргал за кольцо, открыть не смог. Часа в два ночи все более или менее успокоились и улеглись.

Но через полчаса уже несколько человек увидели то, о чем рассказали Марина с Ленкой.

Теперь уже ревели все, кроме Светы-большой. Она включила свет, велела всем одеться и увела девчонок на Ванькину половину. Там они и просидели до утра, сгрудившись на лавке возле хозяина, который не смог перебороть богатырского сна и храпел, как трактор.

Утром Ванька позвал бабушку-соседку, которая, ничуть не удивляясь, терпеливо выслушала девчонок и, перекрестившись, сотворив молитву, сказала:

— Это вам, девоньки, блазнит: Коля приходил. Любил ведь он вас. Вы сходите к нему домой, помяните его, он и успокоится.

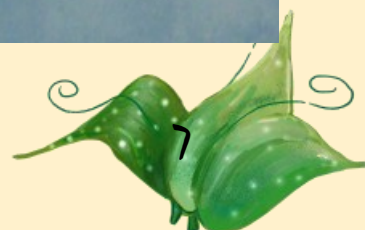
Хоронила Колю вся деревня. Копали яму, несли гроб и засыпали могилу землёй под надзором участкового Колины друга и невольные его убийцы. Они не поднимали глаз, боясь встретиться взглядом с Колиной матерью, которая, видимо, уже выплавав все слезы, бессильно висела на руках плачущих соседок. Коля был ее единственным сыном.

А девчонки на поминках впервые в жизни хлебнули по глотку самогона и долго хватали ртами воздух, сквозь выступившие слёзы спрашивая друг друга, как это можно пить.





Анна Лёгочкина



Алекс Грин

Московский шоколад

Как троглодит, я просто выполз из пещеры,
Смотреть, как тонет в чёрном шоколаде город,
Горбатый мост, окаменелым дромадером*,
Из речки тянет отражённый, взбитый творог
Белёсых облаков. Немытых окон войлок
Хранит тепло и мирно спящих домочадцев,
Ларёк и тот, убрал все пойла с тощих полок.
Всё спит - ни до кого не достучаться.
Ни до тебя, ни до себя, ни... Хлебзавод
Несёт округе запах выпеченной сдобы,
Но мнится мне - ни на, ни над, ни под
Землёй нет жизни – всюду мёртвые трущобы ...
Вернусь под утро не один – (со мной усталость),
Весь вымазанный грязным, горьким шоколадом.
Смотрю, на численнике цифр не осталось...
Всё даты, даты... Будь они неладны!

*Дромадер – одногорбый верблюд

Ножи на часах

Ножи на часах полосуют лицо циферблата.
Сцена.... Третий звонок... Умирание света.
В десятую долю накала свечение заката.
Ватага стрижей – шантрапа, рэкетирует лето.
На ситцевом небе, как призрак, луна половина,
И от зануд-комаров людям некуда деться,
И пахнет крапивой и спелой до крови малиной,
И катит на велике прочь конопатое детство.

Огня Рождественские Сказки

Опять декабрь. Колдует непогоде.
Очаг, огонь, ленивый чёрный кот
Мурлычет подхалим о Новом годе,
Посвистывает ветер в дымоход.
В саду скрипят полозьями салазки,
Свеча игрой теней увлечена,
Все тянутся к огню послушать сказки
И кукла, что была облачена
В сиреневое бархатное платье,
В твоих руках не плачет. Тишина...
Полутона, нехитрая посуда,
Пузатый чайник раздаёт легко
Тепло. И стар, и млад, все в ожиданье чуда,
Но прежде профилактика простуды,
Пуховые носки и молоко.
Сквозняк сыграет на губной гармошке,
В углу паук растянет канитель
И ждут мышей Рождественские крошки...
Пробудит недовольный скрип петель,
Ворчанье припозднившегося гостя,
Ругающего стужу и метель.
Цветастый плед и радует, и греет,
Баюкает неторопливый сказ
Огня-рассказчика и лицедея...
Все собрались? А значит, в добрый час...
Однажды, в тридевятом царстве жили...
.....поведает историю про нас,
На грани бреда, выдумки и были...

Лишь Домовёнок в серенькой рогожке,
Глядит во двор сквозь мёрзлое окошко.



Фото Аллы Потехиной

Бьёт набат ложечкой...

Звуки подъезда тягучи,
.....как гель для душа...
За окном плачут Боги, хлюпает осень носом.
Поглощает метро людей, как сумоист суши,
Пренебрегая нами,
.....будто нас нет вовсе.
Бьёт набат ложечка о тишину стакана...
Чищу воспоминанья, словно яйцо в Пасху.
С головой беда - забегали тараканы...
Давай, вызывай психушку!
.....Со мной всё ясно!
Ты всё дальше, но,
.....в сотни карат дороже.
Я не вижу бауты твоей
.....за фруктовой маской.
Это кайф – плыву,
.....как после двух дорожек...
И зрочки мои затянуло
.....болотной ряской.
Ты уходишь в небытие,
.....в никуда, в точку,
Без тебя этот мир
.....станет безлик, пресен.
И родной силуэт вдохновит
.....лишь больных зодчих,
К созиданью руин...
.....и инвалидных кресел.



Роман Марк

Горячие стихи

В раскалённом горне,
Сердцем разогретом,
Мысли переплавлю,-
Рифмою наполнив,
И душой поэта.

Из горящих мыслей
Отолью стихи я,
Что бы нашей жизни,
Времена лихие,

В монолите слова,-
Навсегда застыли,
Что б ошибок снова,-
Мы не повторили!

В этом есть призванье,
В этом вся стихия,

Как горячей сталью,-
Отливать стихи Вам!

Что бы сердце грели,
И светили в душу,
Что бы Вы хотели,-
Их читать и слушать!

Из расплава жизни
Отолью стихи я,
Что бы мои мысли,-
Прорастая жили,-

Находя признание,
Были бы близки Вам,-
Вот моё призвание,
Вот моя стихия!



Владимир Жариков

А за окном месяц май

Приятный аромат разбушевавшейся сирени заполнил тихий московский дворик, пригревшийся на майском солнышке словно ленивый кот. Уютную тишину нарушали только редкие стуки костяшек домино по грубо сколоченному деревянному столу. Внезапно к этим звукам добавился стук каблучков женских туфелек, в оживлённом ритме зацокавших по асфальту.

— Михалыч, ты чего спишь? Дуплился, давай!

Олег Михайлович затаился прилипшей к нижней губе «беломориной» и с размаху вбил в дощатую столешницу глазастую костяшку шесть на шесть. При этом взгляд его как антенна локатора проводил стройные ножки обладательницы туфелек, скрытые до колен лёгонькой юбочкой «солнце-клёш». Отбивая туфельками свои две четверти, эти ножки уносили обладательницу от четвёртого подъезда по направлению к арке, на выход со двора.

— Смотри, Петрович, твой опять замечтался, — толкнул в бок соседа тощий мужичок лет около шестидесяти в засаленной клетчатой ковбойке.

— Михалыч, сойди с конца! — улыбаясь щербатым ртом, до половины прикрытым давно не стриженными усами, прошепелявил Петрович.

— А? Что? — Олег Михайлович глянул на черные доминошные костяшки, зажатые в ладони, и резюмировал: — У меня нет конца.

— Есть, есть, — Петрович хитро подмигнул соседу. — Конец что у жеребца, не ровен час, наступишь.

Компания доминошников рассмеялась.

— На свиданку твоя краля побежала, — заметил парень лет тридцати, сидевший напротив мужичка в ковбойке. — Рыба!

Он шлёпнул на стол фишку и пододвинул ее к дублю шесть на шесть.

— Считайте!

Парень достал из кармана узких «стиляжьих» дудочек не начатую пачку «Шипки», вскрыл упаковку и ловко закинул в рот сигарету.

— Дай спичку, Михалыч!

— Тебе-то какое дело? — Олег Михайлович бросил на столешницу коробок. — На свиданку, не на свиданку... У девки свои дела.

— Хороша Маша, да не ваша, — паренёк выпустил густую струю дыма.

— Сашок, иди в ж... Не то схлопочешь, понял?

Олег Михайлович поднялся, попрощался с компанией взмахом руки и зашагал ко второму подъезду, бросив через плечо:

— Пока!

— Пропадает мужик, — Петрович поднялся и уже стоя стал укладывать домино в пластмассовую коробочку. — Зря ты его расстроил, Сашок! Ещё бы партеечку сгоняли.

— А чего ему с Любкой-то не живётся? — Сашка ещё раз затаился и выпустил дым колечками.

— Мал ещё. Женишься — узнаешь, — тощий мужичок в ковбойке потянулся к «Шипке», оставленной Сашкой на столе, но тот успел схватить её и сунуть в карман.

— Свои надо иметь!

— Пилит она его постоянно, — пояснил Петрович, снова присаживаясь на лавку. — Мужика в нем не видит. Командует им, полковником, понял? Скоро вообще бабы нами

управлять станут. Вон, уже и в космос бабу запустили...

— Да уж, — тощий мужичок в ковбойке спешно поднялся и засеменял в свой подъезд, видимо вспомнив, что его самого дома заждались начальство в образе собственной старухи.

Олег Михайлович закончил войну майором. После войны остался служить в ПВО, до полковника дослужился, а в шестьдесят втором его направили в один из секретных НИИ представителем заказчика. Вот уж третий год он там пашет. Да разве это пахота? Со службой в войсках и не сравнить. Работёнка не пыльная, платят хорошо, квартиру в Москве дали. Чем не житьё? Да вот беда — личная жизнь не заладилась. С женой скандалы чуть ли не по два на день. А все из-за чего? Детей нет, не дал бог детишек-то. Вот и не на кого женщине эмоции выплеснуть — за двойки поругать или за порванные штаны. Да и Олегу Михайловичу некого на рыбалку взять или свозить в парк культуры, а в минуты раздражения — и подзатыльник отвесить. Вот так и живут, друг на друге вымещают то, что на душе накипело.

Подумывал Олег Михайлович развестись, да нехорошо как-то. На партийном собрании наверняка прорабатывать начнут, того и гляди понизят в должности за аморалку. Хотя какая тут аморалка, в разводе-то? Ан нет, придётся потерпеть ещё два годика до отставки. А лучшие годы уходят. Сейчас уже сорок три, а там вообще сорок пять стукнет. И кому, спрашивается, такой старый хрыч понадобится?

А Машка из четвёртого подъезда — ох как хороша, молодка. Двадцать восемь лет, а на вид так не больше двадцати семи. И там, и сям — везде все в норме, есть за что подержаться. И на лицо — милашка. Но мать-одиночка, правда. Не то разведёнка, не то так нагуляла мальчика. Пацану скоро девять, рыжий, вихрастый, на мать чем-то смахивает. Да Олегу-то Михайловичу все равно, он и с ребёнком взял бы. Коль уж своих-то у него нету.

Возвращался как-то с работы Олег Михайлович, да обронил ключи у подъезда. Пока нагибался, почувствовал, что подошёл кто-то.

— Здравствуйте, — прозвучало сверху.

Олег Михайлович как находился в согнутом положении, так и повернул голову. Перед ним стояла Мария. В смысле — Машка из четвёртого подъезда. Спину прострелило от неожиданности. Превозмогая боль, Олег Михайлович распрямился и изобразил на лице улыбку. Не показывать же молодой, какая он больная развалина!

— Здравсте, — он машинально приложил руку к фуражке.

— А вы можете мне помочь полку повесить? — сразу взяла быка за рога Маша.

— С удовольствием, — промямлил Олег Михайлович.

Он бы ответил такими словами, о чем бы его ни попросила эта девушка. Хоть тесто помочь замесить, хоть спутник поймать в небе и к ногам её бросить.

Маша переехала сюда в марте месяце. Она жила в двухкомнатной коммунальной квартире. Соседом её был Захарыч — сухонький старичок лет семидесяти пяти, скрюченный, с изъеденными подагрой пальцами. Из своей комнаты он почти не выходил, а на улицу вообще нос не высывал. Лишь раз в месяц, после того как почтальонша приносила ему пенсию, он, шаркая ногами плелся в ближайший гастроном и выходил оттуда с авоськой, в которой лежали две поллитры, банка маринованных огурцов и несколько рыбных консервов. Маша неоднократно предлагала ему помощь — купить хлеба или ещё чего, но Захарыч каждый раз отмахивался.

Олег Михайлович снял китель, повесил его на спинку стула. Потом приложил полку к стене, на которую указала Маша, и простучал это место костяшками пальцев.

— Тут кирпич, — констатировал он. — Сверлить надо. А то гвоздь не будет держаться.



Пойду за дрелью схожу.

— А моя не подойдёт? Вов, принеси там из прихожей чемоданчик.

Рыжий вихрастый Вовка, все это время не сводивший глаз с Олега Михайловича, услужливо кинулся выполнять распоряжение матери.

— У меня там от мужа кое-чего осталось, — пояснила она.

От мужа. Значит, был, муж-то. А куда делся? Спросить неудобно — прямо так, с бухты барахты. Вовка притащил обшарпанный коричневый чемодан. Там оказался неплохой набор инструментов — и дрель, и сверла, и молотки, и отвёртки разные.

— Дайте старую газету, Маша.

Олег Михайлович подстелил газету, чтобы кирпичная пыль не сыпалась на пол, просверлил дырки, забил деревянные пробки, вкрутил шурупы. Повесив полку, он отошёл на шаг, любуясь своей работой.

— Ой, хорошо, когда руки есть золотые, — похвалила Мария.

Олег Михайлович хотел нагнуться, чтобы убрать газету с мусором, и поморщился от боли в спине. Но Маша остановила его:

— Не надо, не надо! Я сама потом все уберу. Чаю хотите?

— Не откажусь, — обрадовался Олег Михайлович тому, что его не выгоняют сразу.

— Вов, на вот тебе трёшку, — Маша достала из кошелька трёхрублёвую зелёную бумажку. — Сбегай в булочную, купи там пряников или печенья, чего хочешь. А то к чаю у нас нет ничего.

— А пирожных можно?

— Чего хочешь.

Вовка убежал, Олег Михайлович с Машей остались вдвоём. Они стояли друг напротив друга, Маша словно ожидала каких-либо действий, а полковник обдумывал тактику и не знал, с чего начинать. Он сделал шаг, подошёл к женщине, обнял её за плечи. Маша долго смотрела ему в глаза, потом припала головой к его груди. Он гладил её по волосам и по спине через ткань лёгкого платья. Возбуждение нарастало в нем, он схватил её голову двумя ладонями за щеки, оторвал от своей груди и поцеловал в губы. Мария ответила на поцелуй, а он уже пытался задрать на ногу её платье.

— Не сейчас, — оторвавшись от него, остановила порыв Мария. — Вовка скоро вернётся. Приходи в воскресенье. Их на экскурсию увезут на целый день. Придётся?

Они лежали на узкой полуторной металлической кровати. Он ласкал ее тело, о котором так долго мечтал. Но когда мечта оказалась так близко, почему-то злосчастный орган объявил забастовку.

— Не торопись, — успокоила его Маша. — Все будет нормально. У нас впереди ещё много времени.

Она легла на спину, а он спрятал лицо в её груди. Ему было неловко перед ней. Он страстно хотел эту женщину, он мечтал о ней по ночам и даже, стыдно признаться, в те минуты, когда выполнял супружескую повинность с женой. Не любимой уже женой, потому что Маша заполнила все его сердце. А тут...

Взгляд Маши упал на полку, которую три дня назад повесил Олег Михайлович.

— Здорово висит, — хотела она похвалить ещё раз его работу и осеклась, поняв, что не то ляпнула.

И полковник растолковал эту фразу неправильно. Он сел, свесив ноги, и стал натягивать темно-синие сатиновые трусы.

— Олег, ты чего? Я совсем не об этом. Я про полку. Ну не сердись, ради бога, у мужчин бывает такое. Ну перевозбудился немного, подумаешь? Я же совсем не в обиде. Честное слово. Ну не расстраивайся так!



Она обняла его за плечи, снова укладывая рядом с собой. Олег Михайлович даже почувствовал некое шевеление оконфузившегося органа.

— Маш, мне надо привыкнуть к тебе. Честное слово, я все могу. Выходи за меня замуж.

— Прямо так сразу? Но ведь ты женат!

— Я разведусь. Нам хорошо будет вместе. И Вовке отец нужен. Я его стрелять научу, и рыбу ловить. А когда подрастёт — машину водить научу.

— У тебя машина есть?

— Скоро будет. На «Москвича» в очереди стою.

— Завидный жених, надо подумать.

Маша озорно сверкнула глазками и прильнула к его губам. Она гладила его грудь, живот и бедра. Вот теперь все здорово, все замечательно. Страхи прошли, он почувствовал нарастающую силу...

Он третий день караулил её возле подъезда, не обращая внимания на сплетни старушек и подтрунивание компаньонов по домино. Почти две недели она избегает его. И Сашка вокруг неё увивается постоянно. Начистить бы рыло ему, да чин не позволяет драку устраивать.

Ведь, казалось бы, все тогда вышло замечательно, на его предложение она почти согласилась, а потом... Холод в глазах, встреч она избегает, на записки, которые он кидал ей в почтовый ящик, не отвечает.

Вот послышался знакомый стук каблучков, который он узнал бы из тысячи. Маша с Вовкой вышли из арки. В груди защемила тоска напополам с волнением. Полковник еле дождался, пока женщина с мальчиком поравняются с ним.

— Вовка, иди наверх, мне с мамкой твоей поговорить надо, — он потрепал мальчика по вихрам и подтолкнул его к дверям подъезда.

— О чем? — глаза Маши оставались бесстрастными.

— О нас с тобой?

— Олег, не надо.

— Почему?

— Прости, я не люблю тебя. То есть, ты мне дорог, но связывать с тобой судьбу я не могу. Ты женат, я не хочу вклиниваться в твою жизнь.

— Я же тебе говорил...

— Нет, я всегда буду чувствовать себя виноватой, что это из-за меня. Так же как я не могу простить ту женщину, которая увела моего мужа.

Окно на третьем этаже распахнулось, в нем показалась женская голова в бигудях.

— Так! А ну-ка, кобель, иди сюда! Ща, я с тобой разберусь! И до тебя доберусь, милочка, глазки твои бесстыжие повыщарапаю! Чтоб неповадно было.

Маша исчезла в подъезде.

В июне Олег Михайлович развёлся с женой. Квартиру они разменяли на две комнаты в разных районах. В парткоме его, конечно, пожурили, но никаких санкций применять не стали. Даже в очереди на машину не передвинули. Все-таки участник войны, награды имеет. В августе, в первый же выходной, на новеньком блестящем «Москвиче» он въехал в свой старый двор. Доминошников за столом не было — распалась компания. Мальчишки возле дома резались в «чижа». Рыжий Вовка узнал его:

— Дядя Олег приехал!

Пацаны тут же обступили машину — 408-й «Москвич» тогда был диковинкой.

— Мамка дома?

— Ага, дома. А бибикнуть можно?



— Можно. Только тихо.

— Это как?

— Коротко — бик, и все!

Олег Михайлович запер машину и поднялся к знакомой квартире в четвертом подъезде.

Дверь открыл Сашка.

— О, Михалыч! Привет, какими судьбами?

— Я к Маше. А ты чего тут делаешь?

— Живу я тут. Я с Захарычем комнатами махнулся. А мы скоро с Машкой распишемся. Слушай. Михалыч, шёл бы ты, а? Зачем она тебе? У нас уже все на мази. И Вовка ко мне привязался.

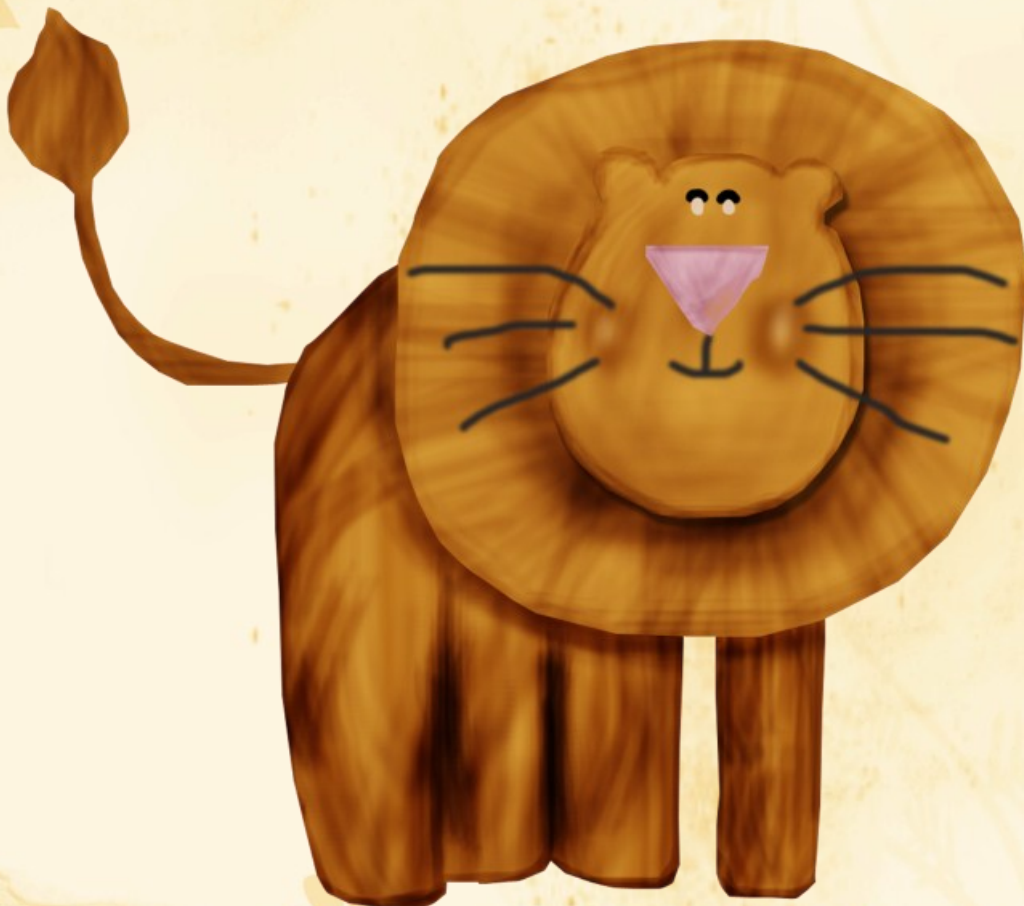
— Саш, кто там? — раздался из комнаты голос Марии.

— Дверью ошиблись! — крикнул Сашка. — Петровых спрашивают! Ну, давай,

— Михалыч, держи краба, пока!

Олег Михайлович проигнорировал протянутую пятерню. Сев в машину, он дал по газам, горько напевая:

— Молодым везде у нас дорога, старикам... всего-то лишь почёт!





Татьяна Уваровская

Олег Карелин

Дорога на расстрел

Блаженством веет воздух утренний.
Угрюм мой грозный конвоир.
И пролепечет голос внутренний:
- Ну чем не рай весь этот мир???
Идём вдвоём сквозь травы росные...
Всё ближе проклятый овраг,
Где льются реки кровеносные
И черноперый вьётся враг,
Терзая жадно человечину
Среди отравленной земли!
И мне, видать, в судьбе помечено
Истлеть в удушливой пыли -
Без погребенья, без священника,
Без фимиама и свечей.
Никто не вступится за пленника.
Война - творенье сволочей!
Изрёк вояка обозлившийся:
- Война - проклятье! Чтоб её...
Ну что стоишь, как заблудившийся?
Сымай обувку и белье!
Взметнулся страх, в поджилках дрогнуло,
Казалось - кости разошлись:
Стремглав бежал я. Сердце ёкнуло,
Нырнув в спасительную высь.
Хлестнул раскат, земля подпрыгнула,
В лицо ударила трава,
Все тело болью мнимой выгнуло,
Набатов взвыла голова,
Но слышал я сквозь звоны нудные
И сквозь гортанный птичий смех:
- Такое утро, право, чудное,
Что и стрелять в кого-то - грех...



Эх, жить бы близ леса

Эх, жить бы близ леса!
Там в сонный овраг
Тумана завеса
Сползает во мрак,
Там речка в осоках
Булычит своё,
Там в травах высоких
Звенит комарьё.
Там ёлки корнями
Вплелись в косогор,
Их тени - конями
Бредут под угор.
В гнезде, что в развилке
Корявой сосны -
Припрятал страшилки
Лешак до весны,
А в россыпи гальки
На русле сухом
Детишкам медальки
Отыскивал гном,
На высохшей глине
Оставив следы
И в ветках малины -
Кусок бороды.

Эх, жить бы близ леса,
Где, счастья полна,
Вне спешки и стресса
Живёт ТИШИНА...

О дождях

У каждого - свои дожди...
Постой, послушай, подожди:
Вот дождь, шуршащий словно мышь,
По ржавым спинам мокрых крыш.
Вот ливень, плачущий взахлёб,
Целует город в мокрый лоб.
Вот дождик-иней, дождик-град,
Промозглый дождик-снегопад.
Распахнут зонт. Молчи. Иди.
Услышь, о чём твердят дожди.



Иван Гладких

Знаки

Дыханьем теплым согревая руки,
По опустевшим улицам бредя,
Ты наблюдаешь «знаки» в каждом звуке,
В порыве ветра, в сырости дождя.

Холодный город, серые витрины,
Печальный свет сутулых фонарей,
Автомобилей выгнутые спины
И тишина... Ты таешь, таешь в ней...

Щекочет веки сладкая усталость,
Мир – полуявь, а может, полусон...
Повсюду «знаки»... Или показалось...
Глас херувимов... Или в ухе звон...

Звонок

Он ждал звонка – начала всех начал...
Почти смирившись, верил еле-еле...
Часы сливались в долгие недели,
А телефон предательски молчал.

Хотел забыться, гнал надежды прочь,
Топил в вине – ничуть не помогало...
Когда печаль невыносимой стала,
Звонок прорезал тишину и ночь.

Она? Она! Дрожащая рука
Прижала трубку револьвером к уху –
Закрыв глаза... вдохнул... ответил сухо:
«Привет. Что надо? Не звони. Пока».

Осентябрение

В летЕньи жухлолистотЕл
На грязномокросклизковЯзь
Я, осенИвшись, обветрЕл,
ОсентябрИлся, одождЯсь.

ЗасохловЯлость желтотрАв
ПрогрустевАет тоскотнЕй
И сыродЕнь, восхолодАв,
ОбрЫз, как тёмнолихостОй.

Не цветопАхнет лугозЁм,
Не солнцегрЕет жаросвЕт –
Я заплёнЁн ОСЕНЬтябрЁм
В годовертЕньи зимолЕт.

Бутерброд

Душистого тёплого хлеба отрежу,
Немного обжарю, натру чесноком,
Полью майонезом густым, а потом
Добавлю колбаски и зелени свежей,
Присыплю его пармезаном натёртым,
А сверху – хрустящий огурчик! И вот –
Готов к потреблению мой бутерброд!
А манную кашу полезную – к черту!



Валентина Склизкова

Всего лишь собака

Тенистые аллеи старого сквера посреди улиц города, надёжно укрывали гуляющих от палящих лучей солнца и защищали от шума машин.

Молодая мама приказала ухоженной овчарке охранять малыша, пока она сама бежит в магазин. Собака лизнула хозяйку в лицо, когда та привязывала поводок к раме коляски, и голосом выказывала желание идти с ней. В её позе, глазах была просьба, но хозяйка повторила приказ и успокаивающе пообещала скоро вернуться. Подобное повторялось не первый раз, и собака спокойно села, взглядом проводила женщину до поворота аллеи, оценивая обстановку. Угрозы для малыша не было. Люди с любопытством смотрели на необычную няньку, улыбаясь, проходили мимо. Собака достойно принимала похвалу.

Вдруг вдалеке раздался знакомый ей крик и визг тормозов. Собака рванулась с места, но коляска остановила её, напоминая о приказе. Беспокойно топчась вокруг коляски, она тихо поскуливала.

К полудню ребёнок заплакал. Собака встала передними лапами на край коляски и старательно облизала его лицо. Он помолчал какое-то время и снова заплакал. Попытки прохожих и других мам подойти успокоить его встречались грозным рычанием и устрашающим оскалом преданного животного. Ребёнок плакал непрерывно. Собака нервничала. Инстинкт охранника не мог позволить чужим взять его, но инстинкт матери, которая когда-то кормила своих щенят, заставлял её искать помощь. Она понимала голодный плач детёныша, и почему-то чувствовала, что его мать не придёт. Собака даже перестала смотреть в ту сторону, где она скрылась.

На какое-то время усталость сморила малыша. Он, всхлипывая, заснул. Легла и собака, уставшая от напряжения. Возобновившийся крик ребёнка поднял её на ноги. Теперь она явно искала выход, оглядывая посетителей сквера. На противоположной стороне широкой аллеи, она увидела, как женщина кормила ребёнка, заботливо поддерживая бутылочку.

Собака уловила запах молока. Её хозяйка точно так же кормила малыша.

Собака негромко, призывно-просяще подавала женщине голос. Но та не понимала её. Тогда она стала двигаться к ней сама, волоча на поводке поставленную на тормоз коляску. Ошейник больно врезался в шею, но она продолжала идти к цели. Женщина с удивлением смотрела на действия собаки. Плач ребёнка подсказал ей, что собака просит помощи, но боялась её. Наконец, собака приблизилась и села перед ней, заглядывая в лицо, и лапой нежно коснулась её коленей.

— Ну, что нянька, не справляешься? — сочувственно спросила незнакомка. Интонация в голосе вдохновила собаку. Она встала, подбежала к коляске и, пятясь, зубами подтащила её к женщине и отошла в сторону, на длину поводка, всем своим видом показывая миролюбивость. Но когда женщина наклонилась к ребёнку, собака, подбежав, тоже склонилась морду над коляской, беспокойно наблюдая за действиями незнакомки. И только увидев, как ребёнок жадно прильнул к бутылочке, собака благодарно лизнула кормящую женщину в лицо. Она даже благосклонно позволила погладить её по голове. Рука незнакомки пахла молоком и собака, облегчённо вздохнув, улеглась у её ног.

Женщина перепеленала малыша, уложила спящего в коляску. Собака успокоилась



окончательно. Она хотела пить и когда незнакомка пила воду из бутылки, твякнула.

— Пить хочешь? — наливая воду в свёрнутый пакет, спросила она.

Жадно вылакав всю воду, собака ещё раз лизнула руки женщины. Та в ответ рассмеялась говоря: «Умница какая!»

Это слово собака знала. Её часто хвалили хозяева. Она тоскливо заозиралась.

— Где же твой дом, собака?

От знакомого слова собака запрыгала. А когда незнакомка, поднимаясь со скамьи, приказала искать дом, она с радостью привела её к подъезду.

Царапая закрытую дверь, нетерпеливо поскуливая, она как бы просила открыть её, беспрестанно метаясь между нею и незнакомкой. Вдруг она учуяла знакомый запах. Поведя носом, рванулась, чуть не опрокинув коляску, но идущий к дому хозяин уже сам подбежал и присел перед ней. Собака положила лапы ему на плечи, лизала его лицо, беззаветно любя, радуясь, что нашла его и издавала звуки, словно жаловалась и извинялась одновременно.

— Вега, Вега, — поглаживая её, приговаривал хозяин, — успокойся, все хорошо.

— Это с Вами Алла оставила ребёнка? — обратился он к незнакомке. Я Олег Иванович, а это мой внук.

— Ольга, — представилась незнакомка и рассказала о действиях собаки. — Я и не думала, что они бывают такие умные. А Алла? Что-то случилось?

— Она в больнице. Большое Вам спасибо. Трудно представить, что могло быть, не пойми Вы намерения Веги.

— Ну что Вы! Это Вега у Вас замечательная. А я работаю няней. Родители этого ребёнка живут в соседнем доме. Вот, кстати, они уже идут за ним.

Передавая ребёнка родителям, Оля наклонилась к Веге.

— Ну, что, коллега прощаться будем? Давай лапу.

Но собака, ухватив Ольгу за руку, потащила к двери. Олег Иванович засмеялся.

— Правильно, Вега, приглашай гостью в дом.

— Оля, нам нужна Ваша помощь. Я один. И если у Вас есть хоть малейшая возможность, помогите нам, — открывая двери, умоляюще просил он.

Собака первой заскочила в квартиру, тревожно пробежав по всем комнатам, вернулась к входной двери и протяжно завывала.

Олег Иванович бросился к телефону, набрав номер, назвал себя и медленно опустился в кресло, выронив трубку. Ольга подняла её, выслушала горестное сообщение.

Собака слизывала слезы с лица хозяина, лапами обвила его шею, положила голову ему на плечо. Оля принесла воды. Хозяин и собака пили из одной кружки.

— Вега, мы с тобой совсем осиротели. Как же нам теперь жить?

— Я помогу Вам, Олег Иванович. Только схожу домой за вещами, — направляясь к двери, участливо проговорила Ольга.

Но собака преградила ей путь. Она с ворчанием легла перед дверью.

— Выпусти меня, Вега. Я скоро вернусь.

Услышав знакомую фразу, Вега встала, повернулась спиной к Ольге и улеглась снова. Она не верила этим словам. Хозяйка после этих слов не вернулась, оставив малыша ей. И эта уйдёт, а кто будет кормить его? В её ушах ещё стоял плач голодного ребёнка.

— Вега, выпусти Олю. Она вернётся, — вмешался Олег Иванович.

Но собака продолжала лежать.

— Ну, пойдём со мной, если не веришь, — наклоняясь к ней, тихо произнесла Ольга.

Собака встала, посмотрела на хозяина, словно передавая ему всю ответственность, и отошла в сторону. Дверь захлопнулась. Собака, как сфинкс замерла в ожидании.

Когда хозяин снова открыл дверь, собака за руку ввела Ольгу в квартиру и устало рухнула на своё место. Она сделала все, что могла. Нашла ту, которая выкормит детёныша, а об остальном пусть люди заботятся сами. Она всего лишь собака.



Юрий Гардаш

Ярославский вокзал

Пути домой известны наизусть,
как сени у любимого порога,
но всё же не проходит моя грусть
и странная дорожная тревога.

На Ярославском вечно толчея –
обычная московская стихия.
У каждого своя есть колея,
но всех роднит великая Россия.

К закату день – уходят поезда,
ещё одна оторвана страница.
Зовут к себе родные города.
Прощай, Москва, ты славная столица!

Я стану пить волшебные чаи
с печалью перестуков перегонов,
и будут улыбаться мне твои
глаза в окне плацкартного вагона.

Когда-нибудь в сиянье фонарей
закончится усталая дорога,
и встретит меня радость у дверей
застенчиво и ласково, но строго.

Растает моя крайняя верста
у теплого надёжного причала,
но долго будет сниться суэта
известного московского вокзала.



Я ходил за звёздами

Во дворе под окнами, где пасётся тень,
расцвела душистая белая сирень.
От дурмана нежного маюсь по ночам –
с головой бедовую нелегко ногам.

Я ходил за звёздами вовсе неспроста –
потерял созвездие Южного Креста.
Этой ночью тёплого папоротник цвёл –
у костра с русалками хороводы вёл.

Заманили чарами серые глаза
на обрыв у озера, где растёт лоза.
Утонула в омуте белая звезда –
словно с неба лебедя завлекла вода.

На местах, где ландыши обретают цвет,
с утренними звёздами собирал букет.
Ландышами белыми зажигаю день,
чтобы в мою сторону не бросали тень.

Закружила голову светлая мечта –
отыскать созвездие Южного Креста.
Я путями млечными по ночам брожу,
но Креста заветного всё не нахожу.

Лилиза Мударова

Пауза

извини осень, но у меня сорок второе августа
нравится тебе это или не нравится
она уезжает в свой маленький город. пауза.
оставляя меня в альма матере плавится
извини осень, но у меня минус двадцать градусов
план созрел в голове о капитуляции
одинаковость чувств не успеет отбиться от ракурса
и в своём постоянстве мечтает о трансплантации.
и первый раз мне до дрожи весны хочется
телефонный звонок перед выходом звонко-радостный
этот год без неё непременно закончится
на московском вокзале мы встретимся снова. пауза.





Анна Лёгенькая

Валерия Новикова

Мамка

Пелена застилает глаза, ничего не видно, но...отдельные запахи, отдельные шорохи оформляются в какое-то подобие мысли, которую до него пытаются донести. Кто пытается? Непонятно! Зачем? Неясно! Он чувствует, что кто-то сжимает его руку. Кто? Непонятно! Пелена застилает глаза, в голове вакуум, он не может не пошевелить ни рукой ни ногой, он что-то пытается сделать, но...проваливается в забытьё.

Пелена, он уже привык к этой тишине, привык к отдельным звукам, привык к неподвижности. Кто-то по-прежнему сжимал его руку, наверное, этому кому-то он дорог, хотя...какая разница

Забытьё....видел сон, где он совсем маленький, вихрастый мальчишка в коротких голубых шортиках, и родная деревня....

Мать вытирала руки о фартук, попутно поправляя выбившуюся прядь волос. Он порывисто прижался к ней, к родной любимой тёплой маме, от неё вкусно пахло пшеницей и яблоками.

— Мамка, я с Колькой подрался, — сказал и разрыдался, размазывая слезы по грязной мордашке.

— Что ж подрался-то, Алёша? — мать всплеснула руками.

— Мам, из-за Ленки, мам, он её за косу схватил, а ей же больно, мам!

— Так, дурак он, твой Колька.

Мам, так он друг мне.

А чего ж дрался тогда?

Мам, я Ленку люблю, а он её за косу!

— Ну, тогда правильно подрался! А Ленка чего ж?

—А Ленка меня портфелем стукнула и Кольку стукнула, а я ж люблю ее, — он разрыдался сильнее.

— Ой, горюшко, что ж Ленка твоя глупая-то такая? Ты ж ее защитил!

— Мамка, она ж не...

Слишком громкий шорох, он дёрнулся...

Забытьё....опять сон, вот он сидит, склонившись над своими учебниками, что-то чертит в тетради.

— Алёша, ну что ж ты сидишь, чертишь все что-то, Алёша, ты бы на улицу вышел, Алёша, там все в кино пошли, — мама неловко сгорбилась на краешке стула, он даже не посмотрел в её сторону, продолжая что-то чертить, и время от времени грызя карандаш.

— Алёша, — она встала и подошла к сыну, — Алёша, да зачем ты все чертишь-то? Что там умного-то? Воздух тебе нужен, а чёрточки эти, зачем тебе чёрточки эти?

Он снисходительно улыбается:

— Мать, это не чёрточки, это графики, я, мать, поеду в Москву, в университет поступать, — он важно откидывается на спинку стула.

— Батюшки Святые, куда, сыночка? В какую Москву? А я как же? — она в страхе смотрит на него, нервно теребя свой старенький фартук.

— Мать, так ты не маленькая вроде, Зорька с тобой остаётся, а я на каникулы приезжать буду

— Алёша, да как же?

— Всё, мать, не лей сопли и не мешай, мне учить надо.

Он даже не смотрит ей в след, не смотрит на её сгорбленную фигуру, на её поникшие плечи, не видит, как она утирает слезы краешком косынки.

Резкая боль пронзила руку, он вскрикнул.....

Забытьё....а вот он уже выпускник МГУ, высокий, красивый в модных трузерах на заплатах, он курит дефицитные сигареты.

— Алексей, письмо тебе принесли, — комендант протягивает ему серый конверт.

— Спасибо, Иван Петрович, Катька заходила?

— Заходила, да я, как ты велел, сказал, что нет тебя, что к матери уехал.

— А за это отдельное спасибо!

Он поднимается на свой третий этаж, в старую общаговскую комнатуху. Письмо, конечно, от матери, он легко разрывает серую бумагу, достаёт аккуратно сложенный прямоугольник:

«Здравствуй, сыночка!

Как ты там, в Москве своей? Не пишешь, не приезжаешь, я жду тебя, жду. Ой, прости меня старую, я понимаю, ты же учишься, работаешь, сыночка, а у нас столько всего нового, и хорошего и плохого. Алёша, Зорька померла, ушла наша кормилица. Три дня уж как померла, а я вот все плачу, тяжело мне, встаю, как обычно в пять, чтобы подоить её, сердешную, зайду в сарай, а там... Эх, сыночка, ладно хоть тёлочка её осталась. Да ты не волнуйся, и без молока прожить можно, да и мне было ухаживать за ней тяжело, отмучилась Зорька и, Слава Богу.

А ещё дед Митяй помер, да он закладывал сильно, вот и помер, помнишь, от него, как дочка сбежала, так он пить начал сильно, вот и допился. Всей деревней хоронили, любили мы его шибко. А дочка так и не приехала, а он ждал её. Теть Клава говорит (она с ним в последние часы сидела), ждал он её сильно, сам в бреду, а все Танечку свою зовёт, зовёт-зовёт. Мы ж ей сообщить хотели, да только, кто знает, где та Танька, помню, красивая девка была, все здоровалась, а вот как вышло!

Да, что я все о грустном, и счастье у нас случилось, Ленка с Колькой поженились, помнишь Ленку-то? Как ты её от Кольки защищал, а оно вот как получилось. Сыграли свадьбу, Ленка-то расцвела, как роза майская, ты помнишь её? Помнишь, две косички крысиные, сама худюшая, как ты её разглядел-то? Сейчас красавица она. А Колька твой, вспоминает тебя, привет просил передать, он теперь на тракторе ездит, очень уважают его наши, не пьёт он, когда надо поможет.

Хороший парень вырос, Колька-то твой.

Алёша, а ты диплом-то когда получишь? Может, приедешь хоть на лето, хоть на месяц, ой не слушай меня, ты учишься, сыночек...

— Лёшенька, любимый, — кто-то опять сжимает его руку, но эта чёртова пелена не даёт разглядеть лица, и вакуум под черепной коробкой не даёт полностью осознать, где он, что с ним.

Забытьё...

Он лениво затянулся сигаретой, рядом на плече лежит его Алёнка, смешно посапывая и морща точёный носик. Алёнка, его витрина, его самый удачный проект, его детище. Его скульптура. Он нашёл её в модельном агентстве, привёз домой, «отмыл», «подкрасил», превратив скромненькую модельку в певицу со стажем, а стаж у Алёнки 3 года, пока поёт. Ему, удачному бизнесмену нужна была витрина, его рекламный щит, а певица — само то! Алёнка обвешана брелочками, Алёнка молода, Алёнка не обременена интеллектом, Алёнка...

Он сделал очередную затяжку, потушил окурочек...

—Мне кажется, он реагирует на меня, мне кажется, он чувствует меня...

Забытьё....

Холодное серое утро, с неба сыпет мелкий дождь, под ногами чавкает. Он брезгливо морщится, ступая по гнилой земле в своих баснословно дорогих ботинках. Он огляделся по сторонам, вроде эта улица, да и дом его, а почему народу так много, стоят возле их калитки. Тяжело ступая, он дошёл до калитки, поражаясь, во что превратилась его родная деревня. Какая-то старушка, взглянув на него начала креститься: «Приехал, сердешный». Он бросил на неё недоуменный взгляд, шагнул во двор и...земля ушла у него из под ног, гроб, обитый дешёвенькой тканью, стоял посреди двора, гроб, а в нем самая родная, самая любимая, пахнувшая хлебом и яблоками:

— Мамка!

— Здравствуйте, в студии Дмитрий Борисов и специальный выпуск новостей, сегодня утром скончался депутат Государственной Думы, Алексей Пархоменков. Он умер, не приходя в сознание в больнице города Киров, напомним, что Алексей Эдуардович не справился с управлением

Колька выключил телевизор:

— Ленка, слышала? Лешка помер, вот, как судьба распорядилась, — он повернулся к жене.
— Лен, ты слышишь?

— Слышу, Коль, слышу. Да только Лешка-то наш давно умер, ещё мальчишкой, как в Москву свою уехал. Уж 23 года прошло, как уехал, так ни разу и не навестил мать, ладно хоть на похороны успел, да и пережил её всего на 3 дня....



Марина Киевская

AIDS. на или тебе, Танечка

Тихо...Прожжённые известью стены.
Удушливый воздух.
Тусклые стёкла здесь видели много -
на каждом - печать.
Детские пальцы выводят рябины
морозные гроздья.
Здесь научились смеяться глазами
и тихо кричать.

Девочка с сине-зелёными каплями моря - в сторонке.
Прячет в подоле ночнушки безлапого счастья кусок.
Старенький плюшевый мишка роднее всего для ребёнка.
"Ну, потерпи, нам осталось два шовчика - наискосок.

Только не плачь, я спою для тебя колыбельную, хочешь?
Жаль, что не знаю всех слов... Где же Машка? Три дня уже нет.
А по ночам, косолапый, ты нос мой украдкой щекочешь.
Что ж, время спать", - поправляет залатанный клетчатый плед.

Ей ли не верить? Ручонки хватаются крепче за чудо.
Ей ли не знать? Послезавтра стотысячной - в ангельский пух.
Детские жизни ошибочно выданы кем-то под ссуды
На невозможно короткие сроки. И собственник - глух.

Можно не видеть, не знать... Только выстрелит -
вряд ли не рая.
После работы стремглав в отделение.
Куклу - с собой.
- Вы не подскажите? С сине-зелёными,
Ветрова Таня...
- Ветрова? Гляну...
Участок - тринадцатый.
Сектор - восьмой.

Пусть ещё поживёт

Влажный март. Отпечаток рельефных подошв на продрогшем снегу.
И весна восемнадцати лет всё стучится в слепое окно.
Не весна, а почтовый. Повестка с призывом: отпор дать врагу.
"Да какие враги у него?" И сорвавшееся: "Нет! Сынок!"

Повзрослел в один миг, став и крепче, и выше, серьёзней, статней.
Только зрелость - не к месту прервавший твой смех - пережат желваков.
Эта юность - подснежник, который пробился сквозь льдины камней.
Не расцвёл - не сумел уберечься от острых морозных клыков.

Восемнадцатый март... Резкий голос - стальной - торопиться велит.
Мамин хлеб, и завязанный наспех дрожащей рукой узелок.
Лишь бы только в родные глаза не смотреть. Он - не может. Болит.
Время... "Стройся! Ровняйся!" А в рубахе зашит восковой ангелок.

Влажный март. Старый дом. Пахнет хлеб, да всё теплится в печке огонь.
На столе календарь - по четвёртому кругу ведёт свой отсчёт.
И к окну подошёл почтальон, сжав повестку о смерти в ладонь.
Но рука опустилась. "Ведь верит и ждёт... Пусть ещё поживёт".

Малиновые сны

Она прилетает в малиновом сне.
Подолгу и пристально смотрит в глаза.
Я знаю, она не отсюда, извне.
И утром рассвет унесёт её "за".

В малиновых снах пьём малиновый чай.
И снова горит наш малиновый торт.
Она улыбнётся мне так, невзначай.
Малинку к малинке. "Смотри! Натюрморт!"

Потом примеряет мой старенький шарф,
Заколки и бусы, браслеты, фату.
Матрон достаёт из комода и Марф.
Смеётся заливисто: "Можно мне - ту?"

И праздники с ней отмечаем вдвоём.
Купила ей к Новому году коньки...
В ответ - поздравляет меня с Женским днём
Открыткой. На ней отпечаток руки
И почерком детским там строчка одна:
"Как жаль, что я, мамочка, нерождена".

И нет ведь острее и кольче рожнов...
Боюсь я, родная, малиновых снов.



Ярко-преяркое солнце

Ярко-преяркое солнце и я
В нём. Закрываю глаза.
Маминой тёплой рукою взъерошена чёлка.
Громкий звонок. - А Вадим - егоза!
Запах страниц букваря.
- Деда Мороза - как - не было?!... Школьная ёлка.

Ярко-преяркое солнце. На мне
Белое платье, фата.
Мамины слёзы - на праздничном свят-каравае.
Сильно слепит позолота креста.
Воск на церковном сукне.
- Мамочка, мама! Ты видишь, что счастье - бывает?!

Ярко-преяркое солнце. Меня
Двое. Под сердцем теплей.
- Мама, не надо, мы справимся сами - всё знаем.
Годы прошли. Только горстка углей
Тлеет. Любовь? Нет кремня.
- Доченька, всё спеленается! Счастье - бывает!

Ярко-преяркое солнце. Но мне
Так не хватает тепла.
- Дайте нам несколько этих фиалок, с изгибом...
- Бабушка синие, мама, брала!
Луч на гранитной стене...
Мама, прости, за столь позднее наше - "спасибо".



Александр Рошков

Неба

Хотелось плакать. День не задался с самого утра: чуть не проспала, кофе попытался в очередной раз убежать, опять ключи куда-то спрятались, а автобус норовил удрать раньше времени... Но ты успела.

Фу-у, хоть бы немного посидеть: ехать-то далеко, а учитывая бесконечные пробки — очень далеко. «Ну вот, теперь точно не успею, — подумала горько. — За что мне это все?»

Ты так тяжело вздохнула, что он удивился и, развернувшись в три четверти, посмотрел. «А она ничего», — оценил он.

— Присядьте, — предложил ей, освобождая место и улыбнулся. — Судя по отсутствию движения, выйдем мы отсюда ещё не скоро.

«Ещё один, — с неким отвращением подумала она. — Сейчас начнёт клеиться: давайте познакомимся, сходим куда-нибудь, дайте телефончик», — её чуть не передёрнуло, но на место села: стоять на каблуках неблагоприятное дело.

В автобусе было душно, даже распахнутые окна и люки не помогали избавиться от солнца, которое, как будто на зло, старалось светить в их сторону.

Он молчал и смотрел куда-то вперёд. «Странно, — подумала она. — Обычно они не так реагируют».

— Э... простите. Надолго там?

Глупый конечно вопрос, откуда он мог знать.

— Думаю, что нескоро поедем, — посмотрев на неё, ответил он.

— Вот всегда так, — надула она губки. — Как нужно спешить на работу, так вечно что-то случается.

— Часто? — сочувственно спросил он.

— Да как сказать, — неопределённо пожала она плечами. — Когда никуда не спешишь, всюду успеваешь, а если надо срочно...

— А стоит ли вообще спешить?

Она взглянула на него снизу вверх. Ничего интересного, обычное лицо: карие глаза, тёмные волосы, нос с горбинкой, чуть полноватые губы, что сейчас расплылись в лёгкой улыбке. Да и фигурой он явно не Аполлон, но что-то...

— Стоит, — твёрдо ответила. — Стоит спешить, ведь только тогда все успеешь.

Он как-то снисходительно улыбнулся, словно разговаривал с маленькой девочкой.

— Наша жизнь и так коротка, что бы ещё куда-то спешить, — спокойно ответил. — А вам не хотелось... иногда, просто остановиться?

— Нет, — так же твёрдо ответила она. — Время — деньги. А если останавливаться, то и вперёд не сдвинешься.

Он наклонился к ней.

— А ведь мы стоим.

— Ну... э... — ответить было нечем. — Это не в счёт, — наконец нашлась она. — Тут уже ничего не поделаешь.

— Может, выйдем? — неожиданно предложил он.

— Что?... Что значит выйдем?

— Ну, из автобуса. Он ведь все равно стоит, — пояснил он.

Она сначала замялась, а потом решилась. «Почему бы и нет. Хоть пешком до работы доберусь».

Вышла, огляделась.



— Да, это надолго.

Он лишь улыбнулся.

— Может, пройдемся до вашей работы?

— Давай, — пожала она плечами.

На улице в самом разгаре лето: солнце как сумасшедшее жарит всех, лёгкий ветерок только дразнит, но не помогает, прохожие хоть и улыбаются, но как-то вымученно.

— Давай через парк, — предложила она. — Хоть немного прохлады.

Он, молча, направился по дорожке.

Они шли рядом, иногда касаясь друг друга. Сначала она старалась идти быстро — на работу ведь опаздывает, — но его степенный шаг, заставил её сбавить скорость. Было видно, что он просто прогуливается, рассматривает все, что творится вокруг. Часто смотрел на небо и чему-то улыбался.

— Что ты там увидел? — наконец не выдержала она.

— Небо, — ласково, нежно и, в тоже время странно, произнёс он. — Красивое.

Она удивлённо посмотрела на него. Уж не больной ли?

— Нет, просто давно не смотрел на него, — словно прочитав её мысли, произнёс он.

Она тоже заинтересованно подняла голову.

Небо... Светло-голубое, с редкими барашками облаков, столь чистое, что даже голова закружилась.

— Знаешь, а ведь он создавал его в один из лучших своих дней.

— Кто создавал? — не поняла она.

— Он, — палец указал вверх. — Правда, красиво?

— Нормально, — ответила она. — Может, чуть быстрее пойдём? А то мне на работу успеть надо.

Он только улыбнулся, но шаг не прибавил. Какое-то время она шла рядом с ним, но скоро ей это надоело, да и время было на исходе.

— Ну ладно, я побегу, — неловко сказала она. — Времени мало, — извиняюще прозвучал её голос.

— Да, конечно, — ответил он, созерцая небо. — Тебе и, правда, пора на работу, Катерина.

— От... Откуда ты знаешь... как меня зовут? — от удивления она начала заикаться.

И тут страшная мысль ударила в голову — маньяк!

— Нет, я точно не он, — спокойно ответил он. — Ты знаешь, нам не часто приходится спускаться к вам... Но здесь у вас прекрасно. Каждый раз удивляюсь, как Он создал такое

— О ком ты говоришь?

— Он, — и снова палец вверх. — А ты иди, а то на работу опоздаешь. Я ещё погуляю.

— Ну ладно, — осторожно ответила она, отходя от этого сумасшедшего.

Шаг... другой, а потом чуть ли не побежала. Хотя притормозила, а то, как это будет выглядеть.

Она успела на работу. Ещё бы минуту и начальник был бы не доволен. Она села за компьютер и сразу же полезла в Интернет.

«Срочно. Полчаса назад на улице ... произошло страшное ДТП. Водитель КАМАЗа груженного бетонными плитами врезался на полной скорости в пассажирский автобус. Пострадало более двадцати человек. Несколько скончалось на месте. Ещё десять находятся в тяжёлом состоянии».

Она открыла фото, сделанные случайными свидетелями, и задохнулась собственным криком.

А он гулял по парку, рассматривая небо, вдыхая запах деревьев и, чему-то улыбался.



Анна Курки

Она замужем вот уже восемь лет

Она замужем вот уже восемь лет.
Ночью тихо качает в кроватке дочь,
А сынишка на папу похож точь-в-точь...
И на кухне уютно шкварчит обед.

Постоянно в делах: на работе - босс,
Дома - мама, подруга, сестра, жена...
И отвыкла, наверное, спать одна,
И из глаз исчезает немой вопрос...

Но как гром среди ясного вдруг звонок -
Он опять растревожит былую боль.
На знакомый номер - сто восемь - ноль
Сердце вздрогнет и сделает кувырок...

Трубку мужу и снова в окно смотреть,
Осторожно касаясь горящих щёк...
Она счастлива. Счастлива! Что ещё?
Почему же душа начинает тлеть?

Она замужем вот уже восемь лет.
Но нет-нет да и вспомнит четвёртый курс,
Семинары, улыбку его на вкус...
И на свадьбе коралловых роз букет.

Знаешь, давай я запомню тебя влюблённым

Вновь полыхают пожары в ночных аллеях -
Тихо роняя листья, сгорают клёны...
Знаешь, давай я запомню тебя влюблённым?
Просто запомню, не думая о потерях,
Не опасаясь обманов, измен, прощаний,
Не докучая звонками в два тридцать ночи...
Пусть это счастье и будет чуть-чуть короче,
Но без прогорклого привкуса обещаний,
Что никогда не исполнятся в нашей сказке.
Кадром из фильма с банальным названием
"Лето"
Будут храниться в памяти три рассвета.
Ну а сейчас мы с тобой подошли к развязке.
А клёны сгорают. И зря суетится дождь,
По капле роняя слезинки на тротуары...
Лишь ветер тихонько тронет лады гитары
Аккордом новым "ты больше её не ждёшь"...

Часы стоят

Время лечило, надеждой сшивая раны, вновь по катетеру счастье пуская в душу. Только, как видно, больной безнадёжен. Нужно чьё-то присутствие с той стороны экрана. Чтобы держал за руку, считал ресницы, молча смотрел на звезды и улыбался. Чтобы однажды в полночь со мной остался вслух мне читать стихи и листать страницы. Чтобы Луна неслась к нам потоком света, выстроив мостик из хрупких "а может, будет"... Время надеялось: "Скоро она забудет". "Неизлечима," - ставит диагноз лето.

Время спасти пыталось. Цедило из раны яд. Тихо твердило: "Получишь, что загадаешь... Только, пожалуйста, не поверни назад... Только не упади... Ты себя теряешь..." Я загадала тебя и влюблённый взгляд.

Ты усмехнулся неслышно:

-Родная, знаешь... Время от нас устало. Часы стоят.



Машинка

История в сосиске

Только банальность уже известной мне истины — о вкусах не спорят — заставила молчаливо и неопределённо кивнуть, отвечая на папин вопрос о её вкусе.

Она — это сосиска, которой кормил меня папа в наш первый приезд в большой город.

До этого я читала о существовании сосисок в толстой и красивой книге с названием «О вкусной и здоровой пище». Была у нас такая книга. Иногда о них упоминалось и в других книгах, где рассказывалось о совершенно незнакомой для меня городской жизни.

Сейчас эта жизнь лежала передо мной на плохо промытой тарелке в виде одинокого предмета, к описанию которого я и приступаю.

Что характеризует предмет?

Назначение, размеры, форма, цвет, материал... Предмет мне нужно было съесть. Сосиска — размером с мою детскую ладонь — цветом напоминала виденное мною однажды лицо друга: серое от ужаса. Этот серый цвет словно возродился в сосиске, треснувшей вдоль, и открывшей грязно-розовую мякоть. Так кричащий рот открывает дёсны. От этого «крика» сосиска потеряла её первоначальное геометрически осмысленное очертание цилиндра.

Конечно, тогда я не могла бы описать словами впечатление от увиденного, это сейчас я пишу какие-то слова, подбирая сравнения, но то впечатление осталось на всю жизнь.

Впечатление несоответствия моего радужного представления о городской культурной жизни и этого, почти живого, жалкого создания, лежащего передо мной.

Папа принёс ещё алюминиевую вилку с одним потерянным зубом и кусочек чёрного хлеба. Тогда в городах, как и по всей стране, всё продавали по нормам, он мог купить только то, что купил.

Мы никогда не говорили с ним о том посещении кафе в большом, теряющем красоту, старинном городе в центре России. Я запомнила папин взгляд — он был неожиданно извиняющимся и немного заискивающим в тот момент, когда он пожелал мне приятного аппетита.

Я заставила себя попробовать эту сосиску, тот вкус, который вырвался из неё вместе с фонтаном горячей жидкости, я могла бы описать в солёно-кислых тонах или одним словом — дрянь. Дрянью был и хлеб, который прилипал к пальцам при прикосновении к нему.

Я была большая девочка и, не умея называть ещё вещи своими именами, обозначала для себя чувствами границы возможного.

Я ела эту сосиску, она была куплена для меня моим папой за деньги, которые он заработал на тяжёлой работе.

— Деньги плачены... — я слышала эти слова много раз и понимала, что произошло важное действие, ценность его непререкаема и не может обсуждаться.

Сейчас, сегодня я могла бы найти в этом действии символические приметы времени, особенностей воспитания, показатели личностной зрелости, уровень морального развития и прочее и прочее...

В любом описании была бы связь жизни ребёнка с жизнью его страны, давно потерявшей ориентиры своей настоящей жизни, погружённой в небытие отчуждения, в лживость сиюминутной правды и пользы, которая далека от истины и целесообразности, от всего настоящего, что и составляет сущность живой жизни. Об этом даже пели в песне, может быть, невольно раскрывая самую главную тайну большой лжи: «Мы говорим Ленин, подразумеваем партия». Говорили одно, а делали, думали – другое. Может быть, я напишу об этом в другой истории, и она будет не только о сосиске.

Сейчас я пишу о сосиске, кожица от которой осталась на грязноватой тарелке в городском кафе.

Когда мы вышли из кафе на морозный воздух, где в начинающихся сумерках не так опасно смотреть в глаза друг другу, я спросила папу:

— Папа, а у этой сосиски есть название?

Я думала о сосисках во множественном числе, надеясь в глубине души, что нам попалась какая-то не настоящая сосиска.

Папа быстро ответил:

— Они называются «Столичные»

Его слова, словно паутина, прилипли к моим губам.

— Столичные, — с усилием разжав губы, повторила я.

Москва-столица была моей мечтой. Я хотела учиться в Москве. Я хотела научиться жить в мире большой культуры, каким мне представлялась Москва. Здесь жили художники, учёные, артисты.

Большой город, куда я приехала с папой, был для меня началом этой большой культуры, я столько читала, но сосиски...

— Почему «Столичные», их делают в Москве? — я смотрела на папу, боясь его ответа.

— Нет, их делают по одному рецепту на всех мясокомбинатах. Здесь в городе их делают также, как и в Москве. Помнишь, мы проезжали мимо мясокомбината, там ещё запах был.

Запах я помнила, если бы папа сказал мне раньше, что это пахнет мясокомбинатом, где делают сосиски, то, наверное, я бы сразу стала вегетарианкой. Запах запахом, но нечто большее — уклад жизни в моей стране — реальность плановой экономики говорила папиными словами о «Столичных» сосисках.

Потом я узнаю, что есть другие слова об этой экономике, которая почему-то должна будет быть экономной: план, обязательство, норма, перевыполнение, пятилетка, а потом «продуктовые карточки», очереди, пустые прилавки, моё неумение доставать, заводить нужные знакомства, оплата моего труда пачками писчей бумаги... Это — другая страница истории моей страны и моей жизни тоже.

На всю жизнь запомнилось объявление над пустой витриной, где уже не было указанного в объявлении продукта: «Сосиски норма 0, 5 кг в руки». Корявость букв могла бы стать предметом внимания искусствоведа, может быть, и станет или уже стала...

В той плановой реальности экономной экономики остались, — так хочется, чтобы навсегда, — и сосиски молочные в целлофане.

Я и сейчас думаю, что они — как будто бы мясное изделие — получили не случайно название изделия другого качества.

Возможное мясо на пути от мышц животного до тарелки с сосиской молочной потеряло, если вообще имело, все свои существенные признаки. Я уже говорила о том, как можно описать свойства предмета...

Сосиски молочные обладали свойствами, но явно не того предмета, название которого произносили люди при встрече с ними. Опознать происхождение блёклого серого цвета в сосиске, которая на глазах, опущенная в горячую воду, набухала до невероятных

размеров Большой Колбасы, а потом на пути в тарелку съеживалась с такой стремительностью, что все классические образы, в том числе шагреновая кожа, просто не успевали за описанием превращения. Сосиски ещё и меняли свой цвет — из блёкло-серого они становились багрово-красными...

Я не помню их вкуса: не могла их есть. Я была уже совсем взрослой и сама заботилась о себе, покупая только ту еду, которая не вызывала явного отвращения.

Сосиски в целлофане были ещё удивительны тем, что в компаниях друзей иногда возникал принципиальный спор: как их варить в целлофане или без. Без — они разваривались, в — они сохраняли свою сигарообразную форму, но... Суть в том, что сосиски были разные: с одних целлофан снимался до варки, а с других — после варки. Так что сосиски можно было называть не только в целлофане, но и с целлофаном. О съедобных свойствах последнего мне и сегодня ничего не известно.

Известно другое, мне кажется, что очень важное для моей истории о сосисках, событие.

Это другое нашло себе место в кабинете ректора советского провинциального университета во времена последних дней перестройки. В этот кабинет привели меня уже дела моей взрослой жизни. Ректор был учёным с мировым именем, его называли лицом современной науки, он был, как и я, гражданином СССР. Нам ничего не надо было объяснять друг другу, когда в его рабочий кабинет во время нашего очень делового абстрактно-научного разговора вошла секретарша с сосисками в руках. Нет, я написала неправильно. Надо так: торжественно, парадным шагом, с гордо поднятой головой вошла секретарша, почтительно внося на протянутых ладонях сосиски. Замечу, что они не были завернуты даже в бумагу, нет-нет, они возлежали на её ладонях в первозданном (если у них такой был) виде, с вызывающей наглостью высших существ. Они были одеты только в свои целлофановые одежды и то, что можно назвать телом, просвечивало нежно-розовым цветом, дразня неискущённого человека возможностью вкуса.

Меня не удивило, что сосиски были не завернуты, тогда хронически не хватало всего: бумаги для разных нужд, надежды на будущее, воли для действия... Приближался конец советской власти.

Я поняла значение взгляда секретарши, который был брошен на меня как на предмет обстановки. Она оценила меня как свою и чужую одновременно. Своя — всё поймёт, чужая — не будет сплетен за стенами кабинета.

Она так соединила в одном взгляде меня и ректора, что тот понял, что она поняла, а она, в свою очередь, поняла, что он разрешил. Разрешил сделать то, что она сделала: подошла к его столу и положила сосиски в выдвинутый им ящик огромного письменного стола.

Когда я уходила, то попрощалась с ней, занявшей уже своё место у дверей кабинета ректора. Она была необыкновенно красивая женщина, её рабочее место было украшено теми милыми пустяками, которые придают ему индивидуальность и выдают характер владелицы. Характер устроительницы жизни, дома, может быть, мира.

В нашем прощании не было подтекста, я искренне сказала ей спасибо за то, что она заботиться о ректоре, он достоин заботы.

Я не могла ей рассказать о том, что после её появления с сосисками в руках, мы не могли продолжать наш абстрактный научный разговор, ещё не умея, попросту боясь, говорить о реальности жизни языком реальности.

В стране звучали слова «перестройка», «гласность», но мы ещё не чувствовали смысла свободы — слова, мысли, жизни, себя.

Словно сосиски в целлофане прожитой жизни и социального опыта, мы были отделены друг от друга и от нашей настоящей жизни искусственными границами лжи разного сорта.

Наступил тот день, когда показалось, что эти границы рухнули вместе с Берлинской стеной. В магазинах моего тогда пограничного города появились заграничные, польские,

сосиски.

Они были необыкновенно вкусными, за ними люди привычно выстраивались в уже не пугающие размерами очереди. У польских сосисок был домашний вкус безопасной пищи.

Они были красивыми, они не теряли своей красоты, когда их варили или жарили. Они создавали необыкновенный уют, когда их просто выкладывали на кухонный стол. Они вкусно пахли!

Вы можете смеяться надо мной, но запах этих сосисок для меня равен запаху свободы.

Как известно, у каждого свои ассоциации.

Если свобода — это и возможность выбирать, то польские сосиски своим появлением принесли именно эту возможность. Вместе с ней появилась новая тема бытового общения — качество. Напишу с большой буквы — Качество.

Нам, пережившим недавно пятилетку борьбы за качество, увековечившую себя появлением знака качества и воспоминаниями о его короткой жизни среди нас, слово «качество» казалось почти бессмысленным и требовало усилий при произношении.

Затёртое пропагандистской машиной до полного уничтожения содержания, оно словно перестало быть словом родного языка.

Мы могли говорить о вкусе польских сосисок, сравнивая их со вкусом отечественных и с той — местной знаменитой колбаской, которую называли «пальцем паханая». Сама я не ела эту знаменитость — не могла, видела только однажды в каких неряшливых условиях её делают и как её «пахают пальцем». Поощаю моего возможного читателя, не буду описывать детали, и сегодня ещё при словах «деревенская пища» у меня бывают приступы тошноты.

Я отвлеклась.

Руганая-переруганная многими моими соотечественниками демократия пыталась найти себе место в моей стране.

За первыми вкусными польскими сосисками появились другие, тоже польские, но уже не такие вкусные.

Это рынок с его законами пришёл в наши дома, где мы ещё только узнавали, что такое свобода, доверяя своему прошлому опыту, не умея анализировать новый, сегодняшний, день. Новый день уже пришёл и требовал понимания, анализа, прогноза.

Вкусные сосиски завоевали нас как покупателей, как клиентов. Вы уже знаете, что это было легко сделать. Рынок сбыта сосисок был создан, но на нём не было главного условия для сохранения вкуса, качества, сосисок. Не было конкуренции. Вот производитель сосисок, заботясь о своей прибыли и... я не буду морализировать по его поводу. Мне как покупателю, да и не только мне лично, было понятно, что сосиски стали хуже.

Только здоровая конкуренция как необходимость сохранять лицо, репутацию фирмы, репутацию качества её товара охраняют покупателя от появления на рынке дряни. Простой житейский подвох — наша покупательская «всеядность», нетребовательность к качеству «испортил» польские сосиски.

Это было время взаимных испытаний для продавцов и покупателей. Продавцов, пришедших из разных стран в нашу страну, и нас — неискушённых покупателей.

Продавцы, чтобы избежать большого риска (любой неизвестный рынок — риск) не вкладывали большие деньги в качество товара, а мы — не знающие его разнообразия — не могли отличить дрянь от ещё большей дряни и набивали себе синяки необходимого опыта, находя ложь за красочными обёртками, кричащими о качестве.

Это было недолго. Мой народ учится очень быстро, умом он прыток, за словом в карман не лезет, вот с делами сложнее, но...

Изменение ситуации на рынке товаров было налицо. Это прежде всего подтвердил мой кот. Его природной осторожности и брезгливости, не притуплённой бессмысленной

борьбой за выживание, можно было доверять.

Когда он был уже подростком, я предложила ему на завтрак кусочек сосиски — той, без целлофана, которая оказалась на нашей кухне вместе с приехавшей подругой. Уверяю вас, что это была сосиска с названием «Столичная».

Если бы вы видели, как он брезгливо отряхивал все четыре лапы — одну за другой и, казалось, все вместе — то поймёте меня без лишних описаний его разочарованной морды, с которой он покинул кухню. Он — Роська — нёс своё презрение и возмущение во всей длине своего пушистого хвоста, поднятого строго перпендикулярно. Мне оставалось только тайно надеяться, что это отношение не распространится на меня. Роська не проявлял интереса к этим сосискам, когда они вечером ещё раз появились на столе, а он сидел рядом на табуретке и вполне мог бы... Не мог, не хотел. Не хотел он есть и морскую рыбу, которую я иногда покупала в магазине. Он ел блины, кабачки, хлеб с молоком, иногда кефир или творог, яйца, но никогда не ел сырое мясо или печень. Их, как и ту сосиску, он награждал презрением разной степени.

Какой силы нитраты и пестициды были в наших продуктах? Сколько процентов воды, туалетной (говорят, что это было) бумаги и разного прочего было в той еде, которую я ему предлагала? Котик не ответил бы, а мне остаётся только гадать.

К первым польским сосискам он проявил интерес — понюхал их, но есть не стал, хотя и не продемонстрировал безграничного отвращения.

Через несколько лет мой, уже совсем не юный котик, сам проявил интерес к сосискам, которые сын привёз из Москвы. Она уже была столицей России, а не СССР. Роська как живой барометр отметил изменение качества, его заметное улучшение, медленное, но приближение к главному назначению еды: сохранять жизнь в людях, да и в моём домашнем котике тоже.

Между первой встречей моего кота с иностранной сосиской и той, сегодня пока последней, когда он с аппетитом уминал московскую сосиску, привезённую в красивой фирменной упаковке Московского мясокомбината, произошло много событий. Они — не только история в сосиске, они — сюжеты для множества историй, ещё не написанных мной, да, может быть, и другими людьми. Это истории о рынке, о макро- и микроэкономике, о лжи и доверии, о деньгах и нищете, о разуме и отчаянии...

Среди них есть и эти эпизоды, где сосиски — отечественные и зарубежные — главные действующие лица.

Я расскажу только несколько из них.

Эпизод первый: «Западный немец в России»

Он всю жизнь покупает сосиски и доверяет продавцам. Он приехал в Россию, когда в магазинах стало больше, чем один вид сосисок, и купил, привычно отсчитав деньги, желаемое. В доме у его русских друзей он увидел товар. Это была дрянь, вывезенная из его страны за ненадобностью. Ему было стыдно за Германию, мне — за нас. Сосиски лежали в глубине туалета — того, с дыркой в полу, а вся компания ела на ужин не немецкие сосиски из российского магазина, а поджаренный в постном масле хлеб с луком. Говорили о противоречиях капитализма, об инфляции, безработице, правительствах, о ценах в немецких магазинах, профсоюзах и многом другом, что вместили в себя сосиски, тонущие в туалете.

Эпизод второй: «Провинциалка»

Вечерняя Москва — последний год двадцатого века. Маленький вагончик на Тверской улице освещён ярко, виден издали. На витрине небольшое объявление о лицензии частного предпринимателя и эта женщина... Как она ловко, красиво движется в

неосязаемой тесноте киоска, как она складно и певуче переговаривается с покупателями, как она опрятна, просто нарядна в своей рабочей одежде, она улыбается. Улыбается приветливо, без напряжения, естественно (что-то щёлкнуло в моей голове: «Она не читала — ура, она не читала! — Карнеги»). Я покупаю у неё сосиску, потому что хочу поговорить с ней. Жую подогретый хлеб, с наслаждением окунаю, просто топлю сосиску в отечественном (!) краснодарском кетчупе и успеваю задать только один вопрос:

— Вы, наверное, коренная москвичка?

Я знала, что она ответит «нет». Она и сказала это слово, легко, без страха лимитчцы-провинциалки, которой надо заслужить, выслужить, выпросить, вымолить возможность жить в Москве.

— Москву-то ведь деревенские строили...

Мы не успели поговорить дольше, к её киоску подошли её постоянные покупатели — студенты из соседнего университета. Они, как и мы когда-то, звенели монетами, собираясь перекусить.

У меня сжалось сердце от невольного воспоминания о той бабе, которая продавала нам сосиски на этой же улице. Тогда у улицы было другое название. Баба ненавидела нас тайно и явно, у неё никогда не было мелочи для сдачи, она находила грязное слово для каждой из нас, если кто-то один решался купить у неё сосиску. О её руках в перчатках с обрезанными пальцами, о неопрятном фартуке на толстом животе я не хочу писать. Это было давно, тогда все знали слова «развитой социализм».

Эпизод третий: «Столица»

Столица — сто лиц, множество людей, миллионы. Среди них — он, за прилавком киоска, на котором красуется вывеска «Сосиски». Подойдите ближе и вы увидите другое объявление: «Сосиски «Баварские» с 1 /2 лаваша». Читаю ещё раз объявление и мне становится просто весело. Какой-то старый страх умер во мне в этот момент. Моя культура — русская культура — открытая всеми миру смотрела на меня буквами родного алфавита с красочного листочка объявления. Думаю, что и немец-баварец, и грузин, и американец узнали бы себя в это мгновение встречи с румяной сосиской, политой кетчупом, аккуратно уложенной в лаваш. Юный продавец в киоске был черноглаз и приветлив, он говорил на хорошем литературном русском языке с акцентом, в котором звучали ноты его родного языка.

Эпизод последний: «Зарубежная сосиска»

Эти сосиски нарисованы на большом рекламном щите в приморском городе зарубежной страны, где у меня есть работа. В этой стране есть дом, где я живу, но это не моя страна — это место моей работы. Здесь мало кто изучает русский язык: пугает его сложность и таинственность страны, которая всё ещё отталкивает своей экзотичностью. Я здесь только думаю по-русски, да иногда говорю со своим, уже зарубежным, котиком. Нарисованные сосиски не съедобны, не стоило бы и обсуждать этот банальный факт, как и тот факт, что мой иностранный котик не ест сосиски, у него есть специальная кошачья еда, «для взрослых особей». Вот эта особь и уминает её, совершенно не проявляя интереса к сосискам, которые я иногда покупаю себе.

В уютном кафе на причале, при свете свечей, можно вечером сидеть за столиком и смотреть на корабли. Редко, но сюда приходят корабли из России.

У моей истории нет логического завершения, да оно и невозможно в истории, где всё течёт и изменяется, оставляя в памяти одного человека то, что доступно ему одному — впечатления. Я поделилась с вами некоторыми из них.



Анна Домехина



Артем Вахрейн

Пора бросать курить

Пора бросать курить и думать о тебе —
Все это слишком вредные привычки.
И мысли, как обугленные спички,
Лежат на раскисающей земле.

Мои мотивы бьются в лихорадке,
И дождь упорно манит на карниз...
И я, как незаконченный эскиз,
Сотрусь с листов исписанной тетрадки.

Набросок на измученном листе.
Зачеркнут. Перевернута страница.
Напополам. Я снова на границе.
Бросать курить. Не думать о тебе.

Единственная рифма

Тоска кусается, как бешеная сука,
Щенков которой топят на реке.
И я молчу в преддверии разлуки,
Чтобы не стать клеймом в твоей судьбе.

Октябрь сеет льдинками сухими,
Закрыто небо плотной пеленой.
Когда-то были мы отчаянно-другими,
Но время пятится, как краб перед волной.

Перед войной не нужно столько боли,
И для тебя не нужно больше слов.
Молчание повсюду рядом ходит.
Но рифма здесь одна--Л... .

Светлана Камарова

Феррофольгамма

Феррофольгаммой стелятся вены мои
под кожей.

ты просишь от меня невозможного
я от тебя тоже.

запускаю змея бумажного
жду.

ты от меня – решения важного
ммм, но моя жизнь отлажена
отглажена

я – моложе.
сравнивать меня с паспортными данными
не гоже

мои глаза старше лет на Дцать,
от колец на срубе дерева
поцелуй же опять,
если смелая !

" ... Меня в них нет! "

Грусть вперемешку с сожалением
идут за мною по пятам,
тебя я вижу в сновидениях.
ну, как ты там?

за год разлуки наши судьбы, как параллельные
миры:
твои ли будни, праздники твои?!
как жизнь твоя проходит, гладко?
кого целуешь ты сейчас ?

от этих мыслей мне так гадко,
ужель прошёл мой день и час?
нет победивших, только пусто.
тебе не жаль...

жить в мегаполисе так грустно,
одна печаль.
твой день похож на предыдущий,
в нем радость есть ?

не отвечай - событий гуща,
Меня в них нет!



Мария Усаева

Как расстаются любимые

Проводив её в аэропорту Ханьи, Ставрос вернулся в опустевший дом. Она улетала сегодня вечером, восьмичасовым рейсом. Самолётом, следующим в Афины. Ту минуту прощания в аэропорту Ставрос хотел избежать, не присутствовать. Он покинул её с дочерью стремительно, как сбежал. За час до регистрации на рейс. Не было сил оставаться с ними до конца. До их посадки на борт самолёта.

В его глазах блеснули слезы, и теперь он не пытался их скрыть. Дошёл медленно до старой Тойоты-карины, пыльной, грязной, тоже покрытой отпечатком заброшенности. Сел и медленно поехал назад, к дому. Он со всей беспощадностью понимал, что больше не увидит её никогда. Всё оставалось прежним: изгибы побережья Средиземного моря, дорожный серпантин, улыбающееся небо. Только вот его любимой здесь больше не было и уже не будет рядом с ним. Он не услышит её смеха, её голоса. Не сможет к ней прикоснуться. Не увидит: ни звенящего счастья, ни пронзительной грусти в её глазах.

В офисе навязчиво бросались в глаза забытые ею мелочи: недокуренная пачка сигарет, листочек бумаги, с выведенными на её родном, русском языке каракулями. Интересно, о чём она писала так нервно и неразборчиво? Думала, писала, говорила на чужом языке. А ведь были прекрасные минуты, когда она старательно выговаривала слова на его родном, греческом, когда говорила ему:

— Любимый мой, я люблю тебя.

Холодная, враждебная ему Россия, эта страна снегов, опять поглотила её. И это уже навсегда. Её отсутствие ощущалось им на клеточном уровне. Он присел на стул, закурил. А в голову лезли всякие ненужные глупости. Теперь-то он может курить сколько угодно. Всем окружающим будет абсолютно безразличен сей факт. Только она просила его курить поменьше, переживала, увещевала его. А теперь, в раз лишившись её заботы, он стал точно сирота.

Из портмоне Ставрос достал свою любимую фотографию. Обрезанный маленький цветной квадратик. Ей этот снимок никогда не нравился.

Снимок был сделан в Саллониках, несколько месяцев назад. Она сидела в кресле, скрестив ноги по-турецки, крепко сжимая в руках большого плюшевого медвежонка в смешном колпачке. Ставрос помнил каждую деталь её вязаного свитера вишнёвого цвета. Они всегда покупали всю одежду для неё вместе. У Ставроса был весьма неплохой вкус.

И вот этот медвежонок. Она увидела плюшевую игрушку в витрине магазина и взглядом попросила: «Купи».

Разве он мог отказать ей в просьбе? На фотографии её возраст было определить достаточно сложно. Лицо вышло совсем юным, почти без грима, с такой застенчивой, едва уловимой, чарующей улыбкой.

Знала ли она — его любимая женщина, как необыкновенно красила её эта улыбка?

Прошло всего два часа, а Ставросу уже так её не хватало. Щёкам вдруг стало мокро. Отчего? Снова слёзы. Мужчины ведь тоже плачут, пускай и редко. Теперь она не увидит его слёз. Их не увидит никто, и он не претерпит унижения, они прольются незамеченными. Во всём мире не изменилось ничего. Просто были он и она — вместе, а теперь вот стали порознь. В мировом понимании это такая мелочь!

Он ревновал её к собственной дочери, когда те вернулись из России вместе. Ребёнок лишал его привычной и необходимой ему заботы. Внимание, все эти месяцы уделяемое безраздельно ему, забрала эта маленькая девочка, её дочь. Её «папа», обращённое к нему, не давало ему ничего. Ну каким он мог стать отцом для её дочери? Ставроса накрыло пеленой боли и усталости. Теперь для него рухнуло все. Жизнь разом лишилась всякого смысла, а кто это заметил?



Вторая большая и настоящая любовь в его жизни. Первой была Лула...

Хватит сидеть в офисе, сегодня он не будет больше работать. Да и завтра тоже. И будет ли он теперь работать вообще? На то недолгое время, которое ему осталось прожить на свете, денег ему хватит с лихвой.

Ставрос грузно встал со стула, стал подниматься наверх. Деревянные ступени скрипели под ногами. Второй этаж, третий. Уже не офис, а дом. С самого утра он не поднимался наверх. Сидел в офисе, потерянно считая часы до её отъезда. Ещё на полчаса осталось меньше времени, ещё на час.

И его любимая бродила неприкаянно по дому, отрешённая, печальная. Потом, ближе к тому времени, когда стрелки часов беспощадно стали намекать на приближающийся час отъезда, по её щёкам покатались слезы. Полные упрёков слова посыпались в его адрес. Она напомнила ему слова Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого мы приручили».

Наверное, она была права. Он приручил её. Пообещал в церкви, перед ликом Божиим, любить её, беречь... Они — венчанные муж и жена. А теперь вот купил билет и отослал от себя прочь. Ставрос достал из пачки ещё одну сигарету.

И тут наверху так же. Множество ею забытых мелочей. В спешке собираемые чемоданы не могли вместить всех вещей. Такая привычная аккуратность на этот раз её подвела. В доме царил совершеннейший беспорядок. Всё указывало на спешные мучительные сборы. Оставить это, не влезает в чемодан. И это оставить тоже. Он ведь обещал выбросить до последней мелочи всё, что она не возьмёт с собой. Конечно, он обманул её. Все эти вещицы, забытые ею... У него никогда не поднялась бы рука выбросить их.

Ставрос прошёлся по дому. Каждый уголок в доме, казалось, беззвучно кричал ему:

—Любимая ...

У окна — полки с её книгами на русском языке. Она не взяла с собой ни одной. Раскрытые шкафы, чёрный кружевной лифчик, брошенный в кресле, рядом с ним — трусики. Удивительно, но вот мягкие игрушки она забрала все до единой. Из одежды были забыты ещё кое-какие мелочи. Чёрная кружевная кофточка, которую Ставрос, нагнувшись, поднял с пола, ещё хранила запах её любимых духов "Лолита Лемпинска" и несколько коротких рыжих волосинок. Он прижал чёрный кружевной комочек к самому лицу и глубоко вдохнул в себя сладковатый, с горчинкой, запах её прощального невольного подарка.

Любовь — такая жестокая штука...

Знала ли она, как сильно он её любил? Влюбился с первого взгляда, как мальчишка.

Догадывалась ли, какое огромное место занимала она в его жизни?

Он помнил её первые шаги по критской земле. Шортики, маечки, лежащие тоненькими лялочками на её худеньких плечиках. Короткая цепочка простого металла. А на ней — деревянный крестик грубой формы. Удивлённо-восторженный вид. Грация, непосредственность, изящество. Милые, смешные гримасы. Наивная вера в его силу и могущество, в то, что он защитит её и убережёт от всех невзгод, бед, тягот. Его маленьких размеров скромное жилище одинокого холостяка показалось ей настоящим дворцом. Это был дом, стоящий на берегу Средиземного моря!

Всего через две недели со дня приезда её ослепительно-белая кожа стала смуглой, приобрела золотисто-бронзовый оттенок. Истинно греческий, прямой формы, с небольшой горбинкой, нос. Пронзительный взгляд голубых глаз. Пускай же другие, несведущие в этом вопросе люди, приписывали ей европейскую внешность. Уж он-то, в юности увлекающийся изучением древней истории любимой Эллады, знал: истинные эллины и элинки были высоки ростом, смуглы кожей и, в основном, являлись обладателями именно голубых глаз.

Узнав же вскоре, что в её венах течёт капля и греческой крови, Ставрос нисколько этому не удивился. Его мысли оказались точны. "Эллинка", приехавшая из России. Высокий рост, царственная осанка. Прямая, со сведёнными ключицами, спина. Резкая посадка головы на длинной тонкой шее. Удлиненные тонкие пальцы рук, изящной формы - ступни ног. Кирия. Жить бы ей в древние времена, и она смогла бы стать царицей.



Как же он был приятно удивлен и изумлён, когда узнал, что она с особой любовью и трепетом, с самого своего детства была поглощена изучением древней мифологии и истории его страны.

И ему и ей были совсем не нужны чрезмерные излишества в быту. Когда есть крыша над головой, тёплый южный климат, близость моря, вкусная здоровая пища, машина, свой небольшой бизнес. Офис, расположенный для удобства в том же доме, что и их апартаменты. Только на разных этажах. Чего же большего можно было желать ещё?

Она считала Крит воплощением Рая на земле. Современным Парадизом. Прекраснейшим уголком во всей Греции. Дух Ставроса, как истинного сына Крита, был покорен и восхищен её глубокой привязанностью и любовью к его родному острову.

Ставрос едва нашёл в себе силы подкатить кресло к окну, близко- близко, и распахнуть створки двери, ведущей на узкий балкон. Тяжело рухнул в кресло, точно утонул в нём. Почему-то внезапно стало тяжело дышать. Не хватало воздуха. Она увезла с собой все их совместные фотографии. Сам же альбом валялся на полу, в углу комнаты, белея пустыми страницами.

Его родня, бывшая жена Лула, сын Адонис — они то все наверняка будут теперь счастливы. Эти их настойчивые телефонные звонки каждый день, в период её отсутствия, совсем его одолели. За тот месяц, пока она ездила в Россию за дочерью, им удалось почти что полностью сломить его волю, подчинить своей. Окружили, подобно стае голодных хищников, почувствовавших скорую, свежую кровь. Они хорошо знали, куда именно давить, на какие точки и кнопки нажимать. Чувство собственного достоинства, чувство долга по отношению к семье, к сыну. Наследником должен стать Адонис. А с нею у Ставроса детей не было. И быть не могло. Два самых близких человека на земле для Ставроса — обожаемый сын и любимая жена — не смогли найти общего языка, понимания. И даже в таком сложившемся раскладе жизненных карт. Ставрос с самого начала, выбрал именно её. И сказал ей об этом. За очень короткое время она стала для Ставроса самым близким и дорогим человеком на свете. Самым нужным.

Ему внезапно вспомнился их прощальный вечер, случившийся несколькими днями раньше. К тому времени, он уже всё решил для себя. Ей лучше уехать. Это будет правильным решением для него и для неё. Он пригласил её с дочерью на ужин, в старую рыбную таверну, находящуюся неподалёку от их дома. В старом порту Рессимно. Было много вкусной еды, на столе стояли бокалы, наполненные "Рициной" — местным белым вином. Но она едва притронулась к еде. Так, оливку надкусила и всё. Нервно крутя в руке хрупкую ножку бокала, она молча, еле сдерживая слёзы, сосредоточенно и долго смотрела на море. Потом перевела взгляд на него. Серьёзно и грустно заглянула ему в глаза. Вдохнула так, что у него сердце зашлось от боли.

— Мы ещё когда-нибудь встретимся с тобой? — она еле сдерживала рыдания. — Неужели ты не понимаешь, что мы больше никогда не увидимся в этой жизни?

Ставрос рассердился. Ну зачем она так делает? Зачем говорит эти страшные слова, точно он и сам этого не понимает. Это их конец. И так невыносимо тяжело, ещё и она... Он ведь не железный, ему и так непросто.

— Встретимся в следующей жизни, — резко произнёс он, нахмурившись. Защитная реакция. Он и сам едва сдерживал слёзы.

— В следующей жизни? — эхом прошептала она. — Но ведь мне придётся так долго тебя ждать. И встретимся ли мы? Ты разве знаешь будущее? Никто его не знает. Ведь и со мной может что-нибудь внезапно случиться... Вдруг первой не станет меня?

Потрясённый её словами, Ставрос разом замолчал и лишь пристально посмотрел на неё. А она за тот вечер не промолвила больше ни единого слова.

— Единственная, последняя радость моя — прощай, — прошептал Ставрос, глядя на море. И в этом он повторил её любимую привычку. Распахнуть настежь створки дверей, ведущих на балкон, подкатить кресло к порогу, забраться в него с ногами и сидеть, часами наблюдая за движением моря: то лениво-неторопливым, то яростно-мятежным, вселяющим в душу состояние трепета, внутреннего беспокойства.



— Ты такое прекрасное, море, — шептала она, глядя на воду и вдаль, за линию горизонта.

— Почему ты так его любишь? — как-то полушутя, спросил её Ставрос. — Значит, самая большая любовь для тебя в жизни — вовсе не я? Моим соперником является море? Признавайся, кто главнее для тебя — я или оно? — дурачась, он нарочито грозно нахмурил брови.

— Конечно же, ты, — улыбнувшись, произнесла она тогда. — Но это не мешает мне любоваться морем, горами, звёздным ночным небом. Природа — это моя религия.

Внезапно его пронзила острая боль. Ставрос резко изогнулся в кресле и выругался сквозь зубы. Резко зазвонил телефон, а он не ответил, погружённый в свои воспоминания. Впереди лишь одиночество до самого конца, боль, курсы химиотерапии и — почему бы не назвать это самое слово? — смерть. За все эти прошедшие месяцы он так сильно устал. Выдохся физически и морально. Перед ним мысленно успела прокрутиться вся его жизнь. Детство, юность, зрелые годы.

Он вдруг вспомнил, как она рассказывала о последнем годе жизни своего отца.

Ставрос тогда с ужасом примерил это на себе. Мысленно представил, как он будет угасать: день за днём. И ему захотелось умереть сразу. Мгновенно. Самоубийство было, конечно же, исключено. Ведь он же христианин. Но пока рядом со Ставросом была она, всё воспринималось им по-другому. Легче. Она следовала за ним, как тень. И самым своим присутствием рядом со Ставросом, смягчала окружающую его, жестокую реальность. Отчего нельзя умереть сразу? Неужели человек не имеет права решать самому: жить ему или же нет?

«Почему я должен умереть так рано?» — подумал Ставрос.

Жизнь — она вообще бывает достаточно бессмысленной штукой.

А что же тогда наполнило смыслом его жизнь? И когда он будет умирать, что же тогда вспомнится ему в последние земные часы? Лица каких людей будут окружать его у смертного ложа?

И всё-таки он правильно сделал, что отправил её домой. Так для неё будет лучше. Зачем ей видеть, как он будет умирать? Его физическую немощь, постепенное угасание и агонию... А с болью своего рвущегося сердца он как-нибудь справится.

Да, она прощалась с ним вся в слезах, с горечью и недоумением. Но со временем она поймёт, почему он поступил именно так. Поймёт и простит его, оправдывает жёсткое решение расстаться с нею. Не потому, что разлюбил. Нет, любил он её безмерно и был благодарен Богу и судьбе за эти краткие месяцы его неожиданно позднего счастья. В последние минуты своей жизни он будет думать о ней. Вспоминать дни и месяцы, проведённые вместе с нею. С этим багажом воспоминаний он ступит на те земли, где будет ждать её. И когда истечёт срок её земного пребывания и она вернётся к нему, он будет первым, кто встретит её там со словами:

— Здравствуй, любовь моя...

Так именно и будет, он это знал. А телефон продолжал резко, с надрывом звонить. Кому же это, чёрт его возьми, никак не успокоиться? Надо ответить, наверное. Ставрос поднёс к уху трубку мобильного телефона и раздражённо выдохнул в неё:

— Говорите, я слушаю.

В рыдающем женском голосе он не сразу узнал свою пожилую соседку, госпожу Харуллу.

— Господин Ставрос, о Боже, — прорыдала она. — Почему Вы так долго не подходили к телефону? Слава Богу, хоть Вы живы...

Ставрос похолодел.

— Госпожа Харулла, что случилось? О чём Вы говорите?

Соседка горько рыдала, не в силах остановиться.

— Господин Ставрос, я не могу вам сказать...Ваша жена... — её голос снова прервался, задохнувшись в громком плаче. — О, Боже...Ваша жена.. Пожалуйста, включите телевизор, там новости по всем каналам...

Она замолчала, всхлипнув, и бросила трубку. От страшного предчувствия у Ставроса сжалось сердце. Холодеющей рукою он схватил пульт от телевизора и щёлкнул по нему, включая



новости. В глазах потемнело, и он не сразу смог воспринять информацию, которую вещал диктор. Потом разом впустил её в себя и задохнулся от резкой, пронзительной боли, полоснувшей прямо по сердцу. Взволнованный диктор передал, что час тому назад, неподалеку от побережья Средиземного моря. В воздухе взорвался самолёт, вылетевший восьмичасовым рейсом из аэропорта города Ираклиона и следовавший рейсом: Ираклион — Афины. Причины взрыва выяснялись. Теракт ли это или авария, было пока неизвестно.

Ставрос замер.

«Она всё почувствовала наперёд» — понял он.

Ему вспомнились слова, произнесённые ею во время их прощального ужина. Она опередила его в своём уходе. И ждала его уже там... Перед глазами Ставроса пронёсся её облик. Улыбающееся лицо, нежная улыбка. Свет и теплота, которые всегда виднелись в глубине ее глаз.

Они действительно очень скоро встретятся снова. Теперь ему будет не страшно умирать. Ведь он знал, что не будет уходить в пустоту небытия. Он знал, что его там уже ждут...



Елена Филиппенко

Магнит смерти

— Давление стремительно падает, Самуил Яковлевич!

Это были последние слова, чётко услышанные мною, прежде чем я почувствовал невесомость.

Мне приходилось слышать разговоры о выходе души из тела. Но я был скептиком и считал это выдумкой фантазёров.

И все же, я висел под потолком над своим мертвенно-бледным телом, в окружении суесящихся врачей, пытающихся его реанимировать.

Меня обрадовала сохранённая трезвость мышления.

— Самуил Яковлевич... Все... Я отключаю его от аппаратов?— женский голос выражал мольбу и долетал до меня обрывками из-за шума в ушах.

Когда он прекратился, я услышал:

— Отключай, Анжела! И вызови санитаров из морга! — пожилой усталый профессор махнул рукой и стянул маску с лица...

Меня накрыли белой простыней и оставили одного в операционной, выключив свет. Первым удивлением было необычность освещения вокруг. Я принялся размышлять, почему при потушенных ламах все залито красноватым светом и только над телом свечение было голубоватым. Объяснения феномену не нашлось. Пытаясь анализировать произошедшее, я отгонял назойливую мысль о смерти. Будучи человеком смелым, страха перед новым состоянием я не ощутил. Смушал вопрос — что дальше?

Как бизнесмен, я привык к жёсткому режиму дня и планировал все дела наперёд. Обычно дневной план следующего дня составлялся с вечера. В конце рабочего дня, расслабляясь порцией коньяка, я анализировал прошедший день, записывал важные вопросы и необходимые встречи в любимый блокнот из крокодиловой кожи. И даже выходные были спланированы на месяц вперёд. Чёткость и последовательность — ценность в жизни. Расточительство времени считал преступлением. Но сейчас, я находился в прострации и не мог действовать привычным образом. Попытка опуститься и присесть возле тела осталась безрезультатной. Я не смог даже пошевелиться.

— Налюбовался своим тухлявым домиком?— голос из-за спины прозвучал так неожиданно, что я вздрогнул. Передо мной стоял человек в белой мантии. На груди у него блестела чёрная крупная брошь с точкой посередине, из которой выходили серебристые расправленные крылья. Седые волосы до плеч, аккуратно уложены. Неброские черты лица.

— Вы кто? — спросил удивлённо я.

— Смерть, — спокойно ответил он.

— Чья смерть?

— Всего человечества! — чуть усмехнувшись, ответил он.

— И моя? — задал я глупый вопрос.

— На данный момент и твоя, — серьёзно ответил он.

— И что теперь будет со мной? — я впервые похолодел..

— Явно не стоять на месте. У меня очень плотный график работы. Пошли!

Мне показалось, что он взял мою руку. Но у меня не было тела. Будто магнитом, меня притянуло к нему и мы прошли сквозь больничную стену, оказавшись на перекрёстке незнакомой улицы. Я увидел горевшую перевёрнутую машину на обочине и исковерканный посередине дороги мотоцикл. Невдалеке, на спине, раскинув руки, лежал парень. Возле машины собрались люди, пытаясь вытянуть изнутри людей. Мой спутник рванулся к парню, лежащему на асфальте. Он глядел мёртвыми глазами в небо. Струйка крови выбегала из его головы и лужицей собиралась рядом.

— Мой подопечный. Сейчас начнет орать о несправедливости жизни, — сказал Смерть, повернувшись ко мне. И точно, перед нами уже стоял бритый наголо молодой человек и орал, как труба: «У-у-у-у!» Тело его просвечивалось и казалось призрачным.

— Ну, все-все! Ничего страшного! Обычный конец жизни в теле, правда, несколько неожиданный для тебя, — похлопывая по плечу парня, сказал Смерть.

— Вы кто? — вытаращив глаза, спросил он.

— Какая разница. Твои проводники подошли, и ты переместишься с ними по плану XX13.

— Куда перемещусь? — юнец испуганно стал оглядываться по сторонам и трястись от страха.

— Лео! Не обращай на него внимания! Его жалкая жизнь не стоит и минуты остановки на личности, она была безликой.

Меня удивило обращение ко мне. Так меня называла в детстве только мама. Причём обращалась она, когда у неё было хорошее настроение. Мама болела странной болезнью. Часто бывала молчаливой, задумчивой и тогда она становилась к мольберту и рисовала мрачные картины. К ней невозможно было в эти периоды подойти и о чем-либо спросить, как обычно спрашивают дети своих родителей, допустим о походе в зоопарк. Она могла бить красивые вазы, стоящие на подставках, сбрасывать со стола письменные принадлежности отца, если это было в рабочем кабинете, выкидывать из книжного шкафа книги и зло бросать их на пол... Но, когда она обращалась ко мне «Лео», я становился счастливым. Я мог без страха обнимать её, целуя глаза и щеки. А она нежно гладила мои кучерявые льняные волосы, расчёсывая их тонкими пальцами с красивыми длинными ногтями, прижимала к себе с такой силой, что у меня перехватывало дыхание, и я таял в материнской любви...

Смерть, махнув рукой, словно разрезал воздух. Перед нами появились четыре черных фигуры, похожие на аквалангистов. Они казались уродцами в черных шипованных масках. Они поволокли парня в неизвестном направлении.

— За что его? — спросил я подавленно.

— Значительная задержка духовного развития, без возможности роста.

— Как это?

— Тело потребляет больше, чем отпущено энергии на общее развитие индивидуума. Такое бывает у современных акселератов. При этом примитивные желания тела превалируют над душевным и совестью, тормозя духовное развитие. Ты понимаешь?

— Понимаю, встречал таких тупых акселератов. Даже кулаками по ним прохаживался.

— Учитывая дурную наследственность в четырёх поколениях и накопившийся негатив, в сумме получим сокращение жизни... В пятнадцать он избивал мать, забирая мизерную зарплату на выпивку и гашиш, оскорблял в школе учителей, девочек увозил вот на этом мотоцикле за город и насиловал, выключив сознание ударом в голову.

Я молчал. Что я мог сказать? Да, таких уродов полным полно, морально обнуленных, ни к чему не стремящихся, прожигающих каждый день в бестолковой тусовке с подобными себе. Только не все валяются с расколотым черепом среди толпы зевак, с жадным любопытством и ужасом разглядывающих труп того, кто ещё пару минут назад был живым человеком со своими примитивными желаниями и мечтами.

У меня крутился на языке вопрос о своей участи. Но я не находил в себе мужества узнать правду прямо сейчас. Отвернувшись от неприглядной картинки, я охнул от неожиданности. В следующую минуту, я стоял на берегу реки. Передо мной в заросли камыша, плотно подступавших к берегу, мой напарник полез в воду и резко остановился.

— Найди палку, — попросил он.

Я подал палку, краем глаза заметив, что Смерть ею что-то вытягивает из воды. Мне открылась ужасная картина: изуродованный труп девочки лет пяти. У самого берега он взял её на руки и бережно опустил на землю. На теле, в многочисленных синяках и ссадинах, осталась только коротенькая майка. Мокрые рыжие волосы обвила ряска, словно тонкий венок. Первая мысль была — ребёнка изнасиловали...



— Да-да! Именно! Изнасиловали пятилетнего ребёнка! — подтвердил Смерть, читая мои мысли.

Стало нестерпимо больно видеть маленькую утопленницу. Смерть, опустив голову, печально смотрел на неё. Затем тихо произнёс:

— Она могла быть балериной или учительницей... Жертва вспышки похоти.

— Я бы убивал тех... — негодуяще выдавил я.

— Не поможет, — оборвал меня Смерть. — Растление человеческой души начинается задолго до преступления. И если судить, то тех, кто афиширует свои мерзкие фантазии в прессе и книгах, перенося в эфирное пространство и отравляя все большее количество душ. Вот кого на публичный костёр! Я бы стоял рядом и аплодировал с превеликим удовольствием.

Он вытянул руку. Из ладони вышло свечение изломленной молнией.

— Что это?

— Посыл людям. Импульс в зону беспокойства, своеобразный зов обнаружить несчастную. Сейчас, как бы случайно, забредёт на берег человек и найдёт малышку. Не должно такое прекрасное творение быть дополнением к мусору под ногами. Пусть быстрее похоронят её со всеми ритуалами и слезами.

Берег действительно походил на свалку: пустые бутылки, пакетики от чипсов, обрывки бумаги, одноразовая использованная посуда — остатки чьего-то пикника.

— А ты всегда так делаешь, ... чтобы люди узнали об умершем?

— Нет! По желанию сердца!

— У тебя есть сердце?

— У всех есть сердце! — тон Смерть не терпел возражения. Я замолчал, ощущая нежелание общаться дальше. Через пять минут мы увидели идущего к берегу мальчика с удочкой.

— Вот и свидетель, — Смерть довольно улыбнулся и потянул меня в сторону. До меня долетел детский испуганный вопль.

А я в тот же момент, стоял в больничном коридоре... Через стену, словно её не существовало, мы вошли в кабинет. На странном кресле, с разведёнными ногами, заброшенными на специальные стойки, лежала обнажённая девушка. Ей сделали внутривенную инъекцию, и она уснула. Две женщины-врача странными инструментами вытаскивали из нее кровавые кусочки мяса. Смерть подвёл меня ближе, и я разглядел в них маленькие человеческие конечности. Я ужаснулся! На моих глазах делался аборт...

Моя жена Яна, ставила меня перед фактом, когда беременела. Но я всегда считал, что нам рано обзаводиться детьми. Она училась в университете, я развивал бизнес, который требовал практически всего моего времени. У меня не всегда хватало сил на общение с женой. А ребёнок, как я слышал от друзей, имеющих детей, требовал уйму времени. Зная это, Яна просила деньги на аборт и я, с облегчением, что она не затевает скандал, давал ей сумму, значительно превышающую запрашиваемую. «Пусть пройдёт по магазинам и купит что хочет! Говорят же — женщины успокаиваются во время шопинга!» — думал я.

Сейчас, став свидетелем аборта, я с ужасом понимал, на что посылал любимую женщину. В лотке, стоящем в ногах у абортируемой, в луже крови, плавали части растерзанного тельца. Я не мог больше этого видеть и отвернулся.

— Жалко? — спросил Смерть.

— Невыносимо, — прохрипел я, смахивая набежавшие слезы.

— А у меня их ежедневно более десятка тысяч в это время года, а после лета — пик!

Я словно онемел. Мне было больно физически! Реальное ощущение тянущей боли внизу живота!

— А как ты думал? Участвовать в преступлении и не быть наказанным? — он вновь отвечал на мой немой вопрос.

— А я при чем? Это не моя жена и почему я раньше этого не чувствовал? — выдавил я.

— Я снял сейчас все блокировки совести, чтобы долго тебе не объяснять. После отказа от



ребёнка, даже косвенного, у мужчин возникают проблемы в простате. А дальше, в зависимости от численности истреблённых детей, простатит и рак. Всякая нелюбовь во Вселенной — наказуема!

— М-м-м... — я хотел закрыть руками лицо, но вспомнил, что у меня нет тела, — Я отказывался...не раз...

— Так у тебя проблемка назрела. То, что ты оперировался — есть результат нарушение рождения жизни. Превозношение тлена над вечным. Я знаю твой последний день, час и место пребывания на земле. Но ты не готов принять истину и мне запрещено её открывать.

Он вздохнул. А его слова дали право думать, что у меня есть шанс выйти из этого незапланированного путешествия.

Смерть подошёл к девушке и приложил ей на лоб печать. Я различил маленькое красное сердце с вытекающей капелькой крови. Он повернулся к врачам и поставил одной крестик на лбу, другой чётточку. Я попросил объяснить мне странные действия. Он охотно ответил:

— Девушку заставили сделать аборт обманным путём. Родители парня договорились о диагностировании ей заболевания, при котором роды противопоказаны и необходимо искусственное прерывание беременности. По земному закону такое право даётся. Театр лжи удостоился «браво!» Её убедили сделать аборт. Она не виновна. Врач с крестиком, внутренне страдает от участия в подобных операциях, и совесть её побуждает отказаться от убийств и перейти на другую должность, хотя и менее оплачиваемую. Если она решится выполнить голос совести, к ней не будет претензий и жизнь изменится кардинально. Нужно собрать все мужество и волю. Вторая, с минусом, получает удовольствие, уверенная в собственной сопричастности очищения мира от лишних, по её мнению, людей. Любимый лозунг внутреннего «Я» — «Не пускать нищету на свет!»

— А минус? Это что?

— Отметина об ускорении самоуничтожения.

— И что будет дальше? — меня застегнуло любопытство.

— Придёт негативная энергия в те сферы накапливания материальных ценностей, которые всего дороже. В её случае, для начала, сгорит загородный дом по недосмотру прислуги.

— Подобная оплошность смерти подобна!

— Именно! Случайно швырнёт тяжёлый предмет и попадёт в голову несчастной. Я приму её в обитель покоя.

— И что... тюрьма?

— Нет, откупится! Но станет нищей, все накопленное разойдётся по следователям, адвокатам и судьям. За что боролась, как говорится.

Я был в замешательстве, постигая закон справедливости, излагаемый Смертью.

— Ладно, мы задержались здесь. Пойдём! — Смерть потянул за собой.

Я последний раз глянул на девушку, спящую под наркозом.. Как же хорошо, что от нас сокрыты некоторые реалии нашей жизни! Отвернувшись, я внезапно оказался перед дверью деревянного храма. Также, минуя стену, мы вошли и увидели лежащего на полу старика. Он был мёртв.

— Единственный святой этого храма, — Смерть присел возле мертвеца и прикрыл открытый глаз.

— Кто он? — спросил я.

— Сторож. Полжизни прослужил совершенно бескорыстно, честно охраняя церковную утварь. А грех, из-за которого он сюда пришёл и остался. вовсе мал, в сравнении с теми, кто здесь служил, каялся от всего сердца или не каялся, унося с собой тайны, которые в будущем начнут отравлять тело болезнями.

— Что же за грех у него был?

— Его мать умирала и попросила солёный огурец. Знаешь, перед кончиной, бывает — хочется чего-то необычного. А у него не было солений. Холостяк. Пошёл он к соседке, попросил огурец, а



она злой была и не дала, хотя банка тут же, во флигеле на столе стояла. Вот огурец он и украл, как только она во двор вышла. В карман сунул. Всю жизнь у Бога просил прощения за эту кражу. Несчастный не знал, что прощён и сын его, которого он так и не узнал, будет крупным удачливым бизнесменом, благодаря честности отца.

— Как честности? Украл ведь!...А почему сына не знал?

— Отпущен грех, исповеданный в раскаянии. Больше он не воровал, сколько бы ни искушался. А сын... девушка у него была до армии. Вот с ней казус и случился. Забеременела она от него, а пока он в армии служил, познакомилась с другим. Голову потеряла. Как узнала о беременности, замуж быстро вышла. Родила, думая что отец-то тот, за кого замуж вышла. А когда сын подрос, увидела, чей портрет. Да промолчала. Смысла не было семью разрушать. Но... родословная ведётся по крови. А потому отца настоящего ребёнку никто не отменял! — он снова вытянул руку. Молния из ладони прошла сквозь церковную дверь. Через время, дверь открылась и вошла старуха, неся прикрытую тряпицей кастрюльку.

— Иваныч! Я тебе картошечки горячей принесла, иди, поешь! Чай постишься, ну, а картошечку можно с огурчиком солёным. Да кильку сегодня в магазин завезли. Взяла чуток. Солёного так захотелось!

Она прошла в центр церкви и остановилась перед безжизненным телом на полу. «Ой, Божечки! Никак преставился Иваныч?» — кастрюлька выпала у неё из рук. Картошины разбежались в разные стороны. Она с минуту постояла возле него, слезинка выкатилась и засела в морщинке на щеке, перекрестилась и присела, взяв сухую тонкую кисть Иваныча. Тут же быстро отпустила. «Холодный уж»- горестно вслух. Опять перекрестилась и стала собирать картошку обратно, в кастрюлю. Потом засемила к выходу: «Надо батюшке Тихону сообщить !Господи помилуй!»

Мы вышли из церкви следом за ней.

— Ты не спеши, Леонид. Мы тут ещё одного моего клиента подберём. Сейчас он последнюю стопку в своей жизни выпьет и поздоровается с нами.

Мы двигались по улице небольшой глухой деревеньки. Солнце уходило за горизонт и казалось, что последние минуты радости светлого дня прощаются с ней.

Разморённые неказистые домики, грели бока в последних лучах солнца. Облезлая собака дремала под забором в траве...

Из калитки близлежащего дома вышли два мальчугана с прутиками в руках. Они прошли мимо, весело болтая, что надо с пруда пригнать гусей и при этом понырять в местной речонке. Пожалуй, они были единственными, кто нарушал дремоту деревеньки. Мы подошли к магазину. Он расположился в старом потресканном здании, выстроенном ещё в годы социализма. На выцветшей вывеске остались только четыре буквы — «гази». Вход перекрывал рябой конь, впряжённый в старую телегу. Смерть сел на облезлой скамейке и задумался.

— Долго ещё? — спросил я .

— Нет, уже при мне почти.

При этих словах, из двери вышел шуплый пьяный мужичок и шатаясь, заорал песню:

— Чёрный ворон! Чёрный ворон!

— Да не каркай ты! Прилетел по твою душу! — Смерть поднялся со скамейки.

Мужичек повернулся, удивлённо вскинул на нас глаза, икнул и стал заваливаться в канаву.

— Давай, Петрович, не задерживай! Без тебя мне сегодня ещё пять тысяч таких по всему миру нужно принять. Удовольствия от вас никакого.

Я был поражён. А он тут же мне ответил:

— Что бы ты сказал ему на моем месте? Словесный некролог, так сказать, дорогой Лео?

— Хм...Я его не знаю.

— Я расскажу тебе в двух предложениях о нём. Он пил с детства. Пил всю жизнь.

— Это болезнь, говорят, — неуверенно возразил я.

— Но её можно одолеть при желании!

Петрович барахтался в канаве и бормотал: «Ещё минутку, ещё чуток».



— Ни минутки, ни секунды, Петрович, без скидки!

— Ты о чем? — я не понимал смысла его слов.

— Хороших, интеллигентных людей осталось так мало, что я им делаю скидку...

— Какую ты можешь сделать скидку? Отменить приговор? — я иронично рассмеялся.

— Даю три минуты жизни... из личных лимитов.

— А зачем? Зачем им три минуты? Что они дают эти три минуты? Что? Кому нужны твои три минуты? — я взорвался. — Все равно жизнь обрывается и все! Все!

Он терпеливо выслушал и ответил:

— За эти три минуты, люди успевают поменять своё место в вечности...

— В какой вечности? Нет никакой вечности! Есть только жизнь и...и... ты...Смерть! Все! Больше ничего нет!

— Ты духовно немощен, отсюда по-детски рассуждаешь, — он отвернулся от меня и подошёл к Петровичу, который разглядывал своё тело, скрюченное на обочине дороги. — Ты даже имя своё не смог нести гордо по жизни. Все «Петрович, да Петрович». А я ведь тебя предупреждал год назад, когда ты провалился под лёд. Говорил тебе: «Кончай пьянствовать, измени жизнь, найди увлечение по душе! Прекрати обижаться на других — это сети, а лучше помогай, чем можешь? Говорил, Андрюша?»

— Говорил, — понурившись, ответил Петрович, не удивлённый своей новой форме бытия. — Тогда иди, Андрюша туда, где... — он недосказал.

Девочка, лет двенадцати, выбежала из магазина, упала на грудь мёртвого старика и зарыдала: «Дедушка Андрей! Дедушка Андрей! Не умирай! Ма-ма! Дедушка умер!»

Петрович стоял, как вкопанный. «Надюшка! Внушенька! Прости ты меня, окаянного! Прости пьянь горемычную! Мороженое не успел тебе купить! А обещался с пенсии! Ах, ты ж, мать честная!»

Откуда-то появилась грузная женщина, прибежавшая на рёв девочки и стала голосить над мёртвым стариком.

— Пойдём отсюда. Не люблю этих воплей над покойниками, — Смерть потянул меня в сторону.

— А я? А мне куда, братцы? — Петрович на мерился идти с нами.

— Званные «черные вороны» пришли! Лети!

Мы пошли не поворачиваясь. Я не захотел смотреть, кто пришёл за Петровичем. Только услышал его надрывный вопль. Я устал от созерцания человеческих смертей и угрюмо плелся за своим властелином. Именно властелином, я не перепутал, называя так Смерть. Мне невозможно было изменить положение. Я был жив и в то же время — мёртв. Тело осталось лежать под белой простынею на операционном столе, а мыслительная часть меня жила от него отдельно. Говорить не хотелось. Вопрос о дальнейшей моей судьбе оставался открытым. Тем временем мы шагнули в поле, оказавшись... в подвале дома. При тусклой лампе, горящей под низким потолком, я увидел компанию подростков из пяти человек. У всех на головах надеты кульки.

— Что это? — удивлённо спросил я.

— Мои юные клиенты. Токсикоманы.

— А что они делают?

— Ничего...уже ничего. Они мертвы. А перед этим, дышали клеем.

— Все?

— Абсолютно.

— Но почему?

— Наивный вопрос. Потому что было скучно.

— А куда смотрели родители?

— Родителям некогда было детьми заниматься.

— Что значит — некогда? Так не бывает!

— Ещё как бывает! Вот ты, например. Твой ребёнок кем бы воспитывался? Матерью, т.е.



женой твоей — Яной. Тёщей, может быть, если она изволит оторваться от телевизора... няней, которую ты нанял бы, как только супруге захочется на работу. А ей захочется, поверь. Женщины устают за три года жизни, ограниченной домом. Хорошо, если ребёнок найдёт компанию по интересам. А если нет? Тогда он свяжется с искателями псевдореализма, будет искать острых ощущений...

— Но есть спорт? Секции, соревнования? — возразил я.

— А кто их туда записал и периодически водил? Некогда, некому, неохота! Прививание ребёнку навыков, раскрытие его талантов — это труд. А трудиться над ребёнком, формируя его сознание ответственности перед обществом... Извини, я не вижу много желающих. Тридцать процентов. Много это или мало? Потом, телевидение — этот визуальный наркотик, настолько завладел человечеством, что стал на порядок дороже и ближе, чем дети и близкие люди. Оно заменило друзей, родственников, иногда целый мир! Телевизор есть во всех квартирах! Он — убийца, а в это никто не верит! Разрушает подсознательные защиты, а его за это любят и пылинки сдувают! Парадокс! Работы мне хватит навеки вечные, Лео! Идём!

В этот момент, кулёк слетел с головы мальчика, и я узнал его. Он был сыном учительницы пения, жившей со мной на одной лестничной клетке на старой квартире, откуда я переехал три года назад. Я вскрикнул:

— Это же Валик, сын учительницы, Тамары Андреевны!

— Он самый и что? Он не бессмертный!

— Так он-то за что...рано?

— Ты о причине? Его мать, учительница музыки, ненавидела детей.

— Не может быть! Она милейшая женщина, мы жили на одной площадке! Она всегда здоровалась и была приветливой!

— На людях, — Смерть рубанул ответом.

— Почему на людях?

— Смотри мне в глаза! В самые зрачки смотри! — приказал он мне.

Я посмотрел ему в глаза и вдруг, будто вошёл в них, увидел: вот открывается входная дверь квартиры и входит Тамара Андреевна с сумкой через плечо и кульком. Нервно бросает сумку на пол, скидывает туфли и проходит в комнату.

— Сволочи! Маленькие недоноски! Как же вы мне все надоели! Хоть бы вы передохли от вирусов или инфекций! Надоело! Как надоело учить этих плебеев музыке, которая им не нужна! — она упала в кресло и закрыла руками лицо. Из соседней комнаты вышел мальчик. Я узнал в нем Валика.

— Мам! Ты опять злишься? — он робко подошёл к ней и остановился.

— Надоело, как же надоело, — шептала она вне себя.

— Мам, может, ты перейдёшь работать в клуб юного творчества?

— Тогда мы умрём с голода, — тоскливо ответила она.

— А папа?

— Что папа? Твой папа... — она не договорила, вскочила и побежала в ванную комнату. Зажурчала вода. Я услышал всхлипывания, приглушенные звуками льющейся воды. Валик тихо, на цыпочках, ушёл в свою комнату. Он был расстроен. Зазвонил телефон. Взяв трубку, почему то шёпотом сказал: «Сейчас возьму у неё денег и приду!»

— От своих слов оправдаешься, от своих слов осудишься, — констатировал Смерть. — Его отец, тренер по вольной борьбе, не гнушается обучать заведомо известных хулиганов, а в будущем — потенциальных преступников. Как психолог, он видит детей, приходящих на собеседование. Но он жаден, и в этом вся беда.

Я был угнетён увиденным и потерял желание слушать Смерть о законах, по которым идёт естественный отбор на земле. Мне показалось, что я схожу с ума. Это болезнь. Навязчивое состояние. Я путешествую с человеком, назвавшимся Смертью. Галлюцинации. Переутомление.



Вслух я сказал:

— Поздравляю тебя, Леонид! Ты сумасшедший!

— Абстрагируешься? — Смерть хмыкнул.

— Сгинь! Исчезни! Уйди! — я заорал на него.

— Нет! — он дёрнул меня с такой силой, что будь у меня тело, я бы упал. — Есть ещё время!

Мы вмиг оказались на крыле самолёта, падающего на землю. Каким-то образом, я видел всех людей через корпус и обшивку, как и понимал многие происходящие вещи, словно считывал информацию. Кто-то сидел пристёгнутым к креслу, кто-то бегал по салону, падая друг на друга и вопя от ужаса. Все прекрасно понимали надвигающуюся катастрофу. Одни рыдали, другие — молились. Молодая женщина усадила трёхлетнего сына на руки и спокойно целовала и гладила по голове, крепко прижав к себе. Мужчина в генеральской форме, истерично бегал по салону и требовал от стюардессы парашют, противогаз и что-то ещё. При очередной тряске самолёте ему под ноги упала пожилая женщина, на которую он наступил и заорал: «Что ты, старая карга, вскочила? Перед смертью посидеть пять минут не могла?». Говорят, в состоянии аффекта человек не всегда понимает, что говорит и делает. Но мне вдруг стало противно. Будь любой другой на его месте, я бы понял. А здесь — человек военный, прошедший трудный армейский путь... Хотя, кто знает, как он звания получал?

Самолёт опустился резко носом к земле и пошёл штопором. Через мгновение, он ударился о землю, взорвался и развалился на пылающие части. Я все ещё слышал истошный предсмертный вопль обречённых людей. А они все стояли передо мной, столпившись и оглядываясь на останки самолёта. Тут же подлетел странный светящийся объект в виде капсулы и свечение из открывшегося отверстия приняло их во внутрь.

— Ты перестал интересоваться, почему они погибли? — Смерть не мигая смотрел в глаза. Я их прикрыл. Мною овладело безразличие и усталость. Смерть продолжал:

— Знаешь, почему разбился самолёт? Поставили для капремонта детали не соответствующие стандарту. Сознательно приобрели у фальсификатора-производителя. Слышишь меня, да? Заведомо зная: деталь не сможет выдержать нагрузки. Но жадность!... Ты был со мной миг. Ничтожный миг. И ты устал видеть уничтожение, то небольшое, что придумал человек, целенаправленно ускоряя встречу со мной. Каково же Вселенской цивилизации наблюдать вашу миллионлетнюю «продвинутость» в сферах науки и техники... при этом, так и не научившихся ценить, всего каких-то семьдесят лет человеческой жизни? Больше этого срока, увы, мало кто из землян, проживает.

— Убей меня... — прошептал я.

— Не могу. Ты привилегированный объект. Ты помнишь обещание, данное бабушке? Да-да, построить мост, когда вырастишь?

И я вдруг чётко увидел себя на руках у бабушки в далёком детстве. Она рассказывала удивительную сказку про город, в котором жили мальчики на одной стороне реки, а девочки — на другом. Им хотелось дружить. Но они не могли. Река была большая и бурная. Смелчаки пытались переплыть её, но погибали... Я слушал, затаив дыхание. Мне очень хотелось, чтобы жители берегов могли ходить в гости друг ко другу и тогда, воодушевившись, закричал: «Я построю мост, чтобы они могли дружить!»

...— Лёночка мой! Нет, Господи, нет! Не забирай его! Лё-о-ня, у нас будет ребёнок! — вопль Яны разбудил меня. Сразу пронзила боль и раскатилась по всему телу. Тяжесть навалилась, было трудно сделать вдох. Но я его сделал и Яна заметила это. Она заорала: «Он жив! Доктора сюда! Быстрее!» Наверное, я отключился, а когда вновь пришёл в себя, Яна сидела рядом и держала меня за мизинец. У неё была привычка держать меня за мизинец, где бы мы не находились. Еле пошевелив им, я попробовал улыбнуться ей. Напрасно. А она целовала меня, всхлипывая и бормоча, как заклинание, моё имя...

Два года спустя. Аэропорт в Борисполе. Посадка на мой рейс давно объявлена. Не могу расстаться с семьёй. Целую на прощание Яну и спящего в коляске Саньку. Улетаю. Получил приглашение работать по контракту за границей. Предстоит строительство огромного моста, соединяющего две страны. Кто знает, может он соединит чьи-то сердца.



Продолжаем публикацию победителей Литературного Конкурса Крик. На этот раз публикуем рассказ, занявший второе место в конкурсе импровизаций «Рыцари и драконы»..

<http://proza.ru/2010/10/30/658> — правила конкурса.

<http://proza.ru/2010/11/27/1071>—Итоги конкурса.

Дмитрий Левченко

Фуфелён

Вот и долгожданная суббота! Тесный, суетный город остался где-то за спиной, пытаюсь хоть чуточку отдышаться и прийти в себя, а я в числе других счастливицов, пристроив в тесную вереницу разноцветных коников своего, устремился в паломничество к храму природы... Кто рано встаёт, того и тапочки — истина давно известная и неоспоримая. Так и я на этот раз облажался — привёлся на свои излюбленные в плане грибной охоты места ближе к обеду. Само собой, грибник на грибнике сидит и грибником погоняет. Ну, да и леший с вами! Леса у нас просторные, местечко грибное да безлюдное всегда найти можно! Сказано — сделано! Загнал я своего коняжку в такую глушь, что не всякий-то и пешком полезет...

Многочисленный валежник постоянно пытался поставить подножку, паутина, казалось, облепила с ног до головы, в правом ботинке отвратительно хлюпала болотная водица... В общем, всех прелестей полный набор! Всех, кроме этих самых грибов. Ну, разве что огромные мухоморы с полуметровыми шляпами. Вроде бы, глухомань такая, да и лес по виду грибным должен быть... Костеря себя на все корки, я пытался найти выход из лабиринта, образованного поваленными вкривь и вкось деревьями, непролазными зарослями подлеска и ямами, наполненными чёрной застоявшейся водой. И дёрнул же меня нечистый залезть в такую ... глушь! Не радовали уже ни субботняя прогулка по лесу, ни пьянящий чистотой и запахом прелой листвы воздух... Я даже испугаться не успел, когда прямо у меня под ногами раздался треск сухого дерева, и земля распахнулась мне навстречу черным провалом...

— А-а-а!!! Спасите-помогите!!! Убиваю-у-у-ут!!! — Заверещало что-то мягкое прямо подо мной.

Потом это что-то брыкнулось, столкнуло меня с себя и метнулось в тёмный угол.

Глаза ещё не успели привыкнуть к полутьме, царящей в яме, и я не смог толком разглядеть, кого же я так чуть не зашиб-то? А этот таинственный некто продолжал причитать:

— Да что же это такое на белом свете деемся-то?! Да как же жить-то дальше?! О-хо-хо, зашиб ведь, совсем зашиб, окаянный!..

— Ну, Вы уж это... простите меня, пожалуйста... Я ж не нарочно... — И тут я прикусил язык, потому что глаза наконец-то немного освоились в сумрачном освещении (единственным источником которого оказалась дыра, через которую я и свалился)... В тёмном углу стоял, скрючившись в три погибели и держался передней лапой за то место, где примерно должна быть поясница, самый натуральный... дракон!



Наши друзья



— Офигеть!..

Других слов у меня на тот момент не нашлось... Потому что все мысли свелись к двум первоочередным: куда драпать и драпать куда? Глаза лихорадочно шарили по полу в поисках хоть какого-нибудь оружия. Ну, хоть бы дубина какая завалилась тут, что ли! И вдруг я вспомнил — я ж за грибами здесь! Выхватив из кармана нож, я щёлкнул кнопкой, выбрасывая лезвие, и наставил это невесть какое оружие на дракона.

— Ага, все вы так говорите!.. Не нарочно он... Так и норовите... — Он наконец заметил мои действия и осёкся на полуслове. В следующее мгновение, бухнувшись на колени (или что там у него), он запричитал: — Господин рыцарь, живота прошу! Не погуби душу безвинную, не бери греха на душу! Я ить никого в жизни не тронул, таравоед ить я! Пощади-и-и!..

Издав последний вопль, он, что есть силы, брякнулся лбом об утрамбованный до асфальтовой твёрдости пол. А я тоже брякнулся, только затылком, потому как от переизбытка впечатлений сподобился на обморок...

— Господин рыцарь... Господин рыца-а-арь!.. — Холодная мокрая тряпица легла мне на лоб. Я благоразумно решил глаза пока не открывать... — Что за народ нынче хлипкий пошёл... И меча-то нормального нету, зубочистка какая-то...

— Зубочистка, не зубочистка, а брюхо вспороть хватит по за глаза!.. — Памятуя, как он себя вёл в последние мгновения моего трезвомыслия, я решил быть понаглее.

— Ну, слава тебе!.. — Зубастая пасть надо мной растянулась в счастливой улыбке. — Я уж думал, придётся Вас, господин рыцарь, до людей на себе волочь. А Вы эвона, в себя прийти изволили! Вот ить славно-то как! Сейчас я Вас до выхода провожу, и Вы сами, своими ножками...

То ли головой я при падении хорошо приложился, то ли ещё чего... Но мне почему-то вдруг очень не захотелось вот так вот взять и прямо сейчас уйти. А чего? Это ведь какое приключение! Люди чего только не навывают, чтобы нервишки пощекотать, адреналинчику выхватить, а тут — дракон! Да к тому же в голову ещё всякие мысли о драконьих сокровищах полезли...

— Ага, разбежался! — Я чуть приподнялся на локтях, заставив драконью морду отпрянуть с обескураженным выражением. — Я вообще по твоей милости травму получил и эмоциональный шок! А ты меня, значит, спроводить по-быстрому хочешь, пока я в себя не пришёл? Ишь, хитрюга какой нашёлся! Знаем, плавали! Я сейчас уйду, ты шустренько с этой хаты свалишь, и ищи тебя потом, свищи...

— Так ить, господин рыцарь... Вы ж меня сами чуть не зашибли!..

— В его голосе появились обиженные нотки. Не так, чтобы очень, но... А морда приняла такое расстроенное выражение, что мне стало даже немного его жаль.

— Вот завсегда так... Придут, отбучают, обнесут до нитки... А я до сих пор вырасти не могу!!! — Вдруг вскричал он со слезами на глазах.

— В каком смысле?.. — Мне стало жаль его ещё больше.

— А вот в таком! Вы что же, господин рыцарь, не знаете, как мы, драконы, растём? Вас этому не учили рази ж? Первейшее условие для того, чтобы дракон рос, наличие золота! — Проговорил он менторским тоном, задрал вверх один из пальцев. — Я и так растительной только пищей питаюсь, да ещё и золота нет совсем. Только подкопишь грошиков, как приходит добрый молодец и все отбирает. Ладно ещё, если просто отберёт, так ить ещё и прибить все норовят!.. — Он горестно махнул лапой и, отвернувшись, уселся на свой хвост, свернувшийся наподобие пуфика. Недоразвитые его крылышки, двумя лопухами торчащие между лопаток, затряслись в беззвучных

рыданиях.

Бли-и-ин... И что ж я сволочь-то такая?!

— Слышь... ну, ты это... извини, короче!.. Никто тебя грабить не собирался... — При этих словах я почувствовал, как уши мои начинают пылать почище двух факелов. — И вообще... Тебя хоть как зовут-то?

Дракон недоверчиво оглянулся, вытирая когтистой лапой катящиеся из глаз слезы. Неужто и вправду?.. От этого взгляда мне стало совсем стыдно...

— Фуфелек...

Ну, блин, и имечко!..

— М-де... - Я сосредоточенно зачесал затылок, пытаюсь не рассмеяться. Совсем ведь расстроится... — Ты, короче, не парься, не рыцарь я никакой... Нету их сейчас, рыцарей-то...

— То есть, как — нету?.

— Ну, вот так... Другие сейчас времена совсем...

— Но ведь Вы вели себя как истинный рыцарь! Сначала намяли мне по незнанию бока, потом шлёпнулись в обморок... А теперь вот и вовсе пожалели... Мало кто из тех, кто встречался мне раньше, мог бы похвалиться такими изысканными манерами. У меня снова загорелись уши, только теперь от смущения.

— Ну, прям так уж и манерами...

— Да-да! Только в настоящем рыцаре могут уживаться рядом такая отвага (это ж надо, пойти с одним ножичком против целого дракона!) и такая скромность! А еще невероятная находчивость (ведь нашли же Вы меня!) и превосходная воспитанность (даже ни разу по морде мне не засветили!)... Что же до образованности, так и остальные рыцари таковой не блистали...

— Кхе... Ладно, почти убедил, чешуйчатый!.. Теперь давай думать, как мне отсюда выбираться.

— Нет ничего проще, господин уважаемый рыцарь! Я выведу Вас через подземный ход как можно ближе к обжитым местам! — Морда дракоши сияла самодовольством.

— Я даже знаю, где пасётся Ваш железный конь!

— Э, нет, так не пойдёт! А вдруг тебя увидит кто-нибудь?

— Испугаются и убегут, делов-то! Раньше всегда так бывало...

— Раньше, может, и бывало... А сейчас совсем все по-другому... Тебя изловят и отправят в какой-нибудь закрытый институт, для опытов. Будут тебя резать по кусочкам на анализы, всякие глупости заставлять делать...

— Какой ужас!.. — Похоже, сейчас само это чудище в обморок хлопнется. — А я все подумывал соседнюю деревеньку навестить... Меня там раньше хорошо принимали... И даже золотишка иногда подкидывали...

Даже не вздумай! И вообще, тебе бы переселиться куда-нибудь подальше отсюда, в горы куда-нибудь... Драконы же в горах обычно живут?

— Обычно, да, в горах — Дракон потупился. — Только меня прогнали...

— Почему?

— Потому что считали ненастоящим... Я, понимаете, мяса не ел... Да и вообще... Все драконы, как драконы — золото собирают, охотятся, принцесс уворовывают, а я все по старым пещерам лазил... Любопытно мне, понимаете, было, как раньше жили, то, се...

— Понятно... Но здесь тебе все равно оставаться нежелательно. Да и сородичей твоих, похоже, всех перебили уже... Так что, дуй-ка ты куда подальше, целее будешь!

— Спасибо Вам, господин рыцарь, Вы так добры ко мне... Я, скорее всего, последую

Наши друзья



Вашему совету и переберусь в более дикие места... Но сначала я хотел бы Вас отблагодарить. Вот... — Он протянул мне массивный перстень и торжественно произнёс: — Я его однажды в старой пещере нашёл. Это волшебное кольцо! Оно может выполнять желания, прям самые что ни на есть любые!

— А чего ж ты себе золотишка не наколдовал тогда? — Я скептически повертел перстень в руках.. Красивый, конечно... Да и камушек знатный...

— Да тут такое дело... драконов оно не слушается...

— А меня послушается?

Фуфелек часто-часто закивал головой.

— Обязательно!

— И как оно работает?

Нужно слова заветные сказать. Начинать нужно обязательно так: «Перстенок, перстенок, помоги-ка мне чуток!» А дальше (обязательно!) в рифму сочиняете своё желание...

— Ага... Ладно!

«Перстенок, перстенок,

Помоги-ка мне чуток!

Дай мне золота немножко

И вина две поварёшки!

С золотом получилось более-менее удачно — к моим ногам шлёпнулся увесистый мешочек, в котором что-то явственно звякнуло. А вот с вином... Две порции напитка, появившись из ниоткуда, вылились мне прямо на голову. М-де... Нужно будет в следующий раз поточнее свои желания формулировать... Я вытер с лица то, что ещё не успело стечь, подобрал мешочек и протянул Фуфельку.

— Держи, расти на здоровье!

— О-о-о, как Вы добры, господин рыцарь!.. — Дракон трепетно принял мой подарок и, взвесив его в лапе, произнёс мечтательно: — Я с этого пудов на пять точно поправлюсь!

— Ну, вот и славно!.. А теперь давай, показывай, в какую сторону у тебя здесь выход... Жена, поди, потеряла уже...

С тех пор прошёл уже не один год... Думаете, я стал счастлив и богат? Да, не бедствую, но в основном живу по-прежнему, как все... Отправил только Фуфельку несколько увесистых посылок, а сам... Памятуя о винном душе, пускать перстень в ход по всякой мелочи — ну его на фиг!



Дмитрий Мамов

Летний дождь



Ничего не случилось, нам по-прежнему так хорошо —
Это голуби крыльями в небо с размаха ударили.
Летний дождь, не спеша, по пустым переулкам прошёл,
Что-то силясь найти в тополиной листве за сараями.
Что-то долго искал я в твоих беспокойных глазах,
Только что — позабыл, словно дождь, потеряв направление.
Помню радуги мост в бесконечно родных небесах,
Да ещё за рекой соловьёв вдохновенное пение.
Дождь, не давший ответ, как надолго продлить этот миг,
Только запах акаций оставил нам как обещание.
Он ушёл не таясь, неожиданно, как и возник,
Бросив бисером слёз, тихо ветром взмахнув на прощание.

Она отцвела до срока

Она отцветала до срока.
Они целовали меч.
И падала с веток её поволока,
И клятвой наполнилась речь.
Листва её нежно на шлемы ложилась,
Когда проходили под ней.
И тихо стена лепестков закружилась
Над спинами верных коней.
Они понимали, что путь их не вечен,
Она же понять не могла.
И мирно спускалась на ветки и плечи
Немая вечерняя мгла.
Распишет росой ночная прохлада
Доспехов несложный узор.
Их завтра в лесу поджидает засада,
Её через годы — топор.



Маргарита Ронкина

Двойная сплошная

Город в преддверье ночи. Как же красиво и безлюдно! Ночью все становится другим, небо окрашивается в тёмные тона, свет от вывесок бросается в глаза и создаёт единую картину ночного мира. Встречная машина, ещё одна, дорога вверх и только вперёд. Пустынные улицы и пустые отражения витрин. Хочется ехать в тишине и с завязанными глазами. Но я не могу. Я таксист. Я вожу людей по назначению и без, куда скажут, прикажут или попросят. Я не обращаю внимания на тон, разговоры или другую деятельность. Уши и глаза в моей профессии не главное. Главное — довести пассажиров, взять деньги и высадить прямо у дома. Я всегда жду, когда пассажиры зайдут в подъезд, и лишь тогда трогаюсь с места. Почему? Не знаю. Думаю, что в такое позднее время я ответственен за них, хоть и немного. Да что уж думать, я делаю это для себя.

А мои пассажиры — такие разные и этим самым такие одинаковые, что волей-неволей удивляешься. Я, работая ночью, за десять лет насмотрелся на убийства, грабежи, ну а случаи секса в машине просто не пересчитать. С такой работой понимаешь: чем меньше вмешиваешься в какие-нибудь ситуации, тем больше вероятность, что ты останешься цел и невредим. Все-таки мне кормить жену и детей.

Нужный адрес. Хлопок. Шуршание, садится немолодая женщина в нелепом платье, мальчик в чистой одежде и хмурый мужчина.

— Так, аккуратней садись. Ты ранцем чуть папу не прибил. Как можно так много учебников в школу носить? Ты как будто бежать собираешься. Ну что так смотришь, почему опять сидел все время в библиотеке, даже не вышел в футбол поиграть? Мне тётя Ира все рассказала.

— Твой сын не занимается спортом. Он ботаником растёт, никогда такое бы не подумал. Хотел в бокс отдать, да какое уж тут.

— Он ровным счётом и твой сын. Сам нормально с детства не воспитал, а на меня все валишь. Что кушать сегодня будешь?

— Что есть? Да, валю, ты мать — должна воспитывать, а я наставлять!

— Борщ есть, котлеты пожарить тебе на работу? Тогда зайдём в магазин.

Долгое молчание. И опять высокий голос.

— Как на работе дела?

— Могло бы быть лучше. Опять наезжают на наш отдел, да как всегда.

— Хочешь узнать как у меня дела?

— Расскажи.

— Устроили сегодня корпоратив, Анька напилась и полезла к шефу целоваться, представляешь?! Нас поздравляли с хорошей работой.

— Я рад.

Молчание.

— Давай, быстрее выходи.

Хлопок двери.

Еду дальше по заказам. Дикий смех, похожий на рокот, звуки напеваемой песни. Тут молодёжный и, видно, очень популярный бар. Молодые люди в полуспортивных брюках, девушки в джинсах на бёдрах и открытом топе.

— Все, пока, пацаны, — слышно как бьются «пацаны» ладонями при прощанье.

— Эх, да, жёсть парни, как повеселились.

— Да, телки-то там вообще нормальные. Да и выпивка нормуль.

Дикий хохот. Кажется, пьяные люди не смеются настолько... безумно.



Залезают в машину двое. Я чувствую запах табака, дешёвого алкоголя и ещё чего-то, похожего на траву. Неужели сейчас в клубах курят травку? Да. Конечно, да.

Они звенят банками со сладковатым алкоголем. Помню, определённо так пахнет питье с названием крутой машины и дикого животного.

— Ты взял с собой что-нибудь?

— Да, немного, только на сегодня, у Вадика мало было, он не подрасчитал. Ладно, завтра ещё съездим! — отвечает второй и разворачивает бумагу. Да, это травка. Но тот быстро прячет и запах почти незаметен, а под открытым окном он выветривается совсем.

— Я видел, ты с Машкой отходил. Она уже набуханная была. Что, дала на этот раз?

— Курить мы отходили. Нет, не дала, но помачал я её изрядно. Такая девочка!

— Да, она классная! Хочу такую же телку.

Они говорят ещё о чем-то: об общих друзьях, о вечеринке. Но я уже отрешаюсь от действительности, и не хочу их слушать — слишком противны мне эти несовершеннолетние мальчишки, которые пытаются выглядеть круто перед своими друзьями, и от этого пьют, курят травку и бездумно ржут. Слишком они мне напоминают сына года четыре назад...

Обычно я езжу только по конкретным заказам от нашего такси. Но иногда сажаю голосующих. Но их все меньше и обычно это либо пары — мужчины и женщины, либо несколько мужчин. Я без боязни сажаю всех, за себя постоять смогу при надобности.

Сегодня попались мне 3 девушки, стоящие у дороги, на шпильках, хорошо одетые и обильно накрашенные: явно едут на вечеринку. И останавливаюсь — я-то их безопаснее довезу, тем более мне по пути к клиенту.

— Здравствуйте. Нам нужно до клуба «Феникс», это в центре. 150? Хорошо! Садимся, девочки.

Самая бойкая, которая спрашивала про цену, садится вперёд. Две другие начинают копошиться на заднем сиденье. Одна выглядит нервной.

— Что такое?

— Мы в Фениксе сегодня договорились встретиться с Ваней. Вот наконец-то с ним пересплю. Так хочу секса.... Нервничаю, жуть.

— Да все нормально будет. Ты же ему нравишься, а он парень не промах. Тем более с отдельной квартирой. Ты специально надела такое платье короткое?

— Конечно. Но я по другому поводу нервничаю. У меня месячные не начались вчера. А должны были. Я вспомнила, что с Димой недели три назад мы трахались без презиков. Говорила же, одень, а он как безумный, ничего не понимал. Идиот чёртов.

— Жесть. Ну, два дня задержки не страшно, — обернулась ошарашенная на переднем сидении. — Ты была с Димой? Я не знала, он же женат.

— У меня не было задержек ни разу. Не страшно, что он женат, это было-то пару раз. Больше не хочу его видеть. Так, я тут купила тест на беременность какой-то новый — пластиковый, струйный что-ли.

Она достаёт его и показывает подругам. Я таких тестов вообще не видел: моя жена узнавала о беременности от врачей. Не хватало, чтобы девушки здесь делали тест.

— Да смотри, тест очень удобный, сделай здесь. Нужна-то капелька, я сама им пользовалась.

Лучше сейчас узнать, — говорит подруга на заднем сиденье.

Любовница некоего Дмитрия зашуршала одеждой и движениями.

— Ух, да, хороший тест. Все аккуратно. Сейчас надо подождать.

Это видимо означало, что машина не пострадала. Слава богу!

Через несколько минут:

— Слава Богу! Одна полоска! Секс, выпивка и сигареты! И рок-н-ролл, — смеётся



счастливица.

Видя, что машина уже близко к клубу, шуршат бумажками, скидываются. Мы подъезжаем, и девушки с криком и смехом вываливаются из машины.

Я отъехал на несколько кварталов, встал у подъезда клиента и тщательно осмотрел машину сзади. Все было чисто и хорошо. Ну, надо же. Только тест, видимо выронили, когда из машины выскакивали. Из подъезда вышла девушка, как я понял, клиентка, и я спрятал тест в бардачок.

Девушка оказалась беременная, как ни забавно это звучит. Есть же совпадения в жизни. Ну, наконец, хоть кто-то помолчит. Эмоциональная усталость не сравнится с физической.

В работе таксиста устаёшь больше от людей.

На половине дороги раздаётся звонок:

— Алло, здравствуй, милый. Что? Я еду домой. В такси. От Ксюши, да. А ты что делаешь? Задержишься сегодня? Почему? А почему кто-нибудь другой не может закончить работу? Ты один там? С коллегами? А Марина там есть? Да ничего. Просто ты ей нравишься и она хочет тебя затащить в постель. Мне неудобно. Ты часто остаёшься на работе допоздна, а я хочу побыть вместе, втроём с нашим будущим сыном. Чей это голос? Почему только женский? Ты с ней наедине? Я тебя не понимаю. Алло, не слышу. Алло. Ладно, увидимся, когда придёшь. Целую.

Девушка кладёт трубку и будто в бреду шепчет:

— Да не может он с ней спать. Не может так обманывать. Это все мои выдумки.

И все время оставшееся едет молча. Мне становится тяжело, будто я застал сцену неверности супруга. Но грустнее оттого, что девушка закрывает глаза.

Мы прожили с женой двадцать лет душа в душу, и хоть возникало иногда желание иметь других женщин, я не приводил фантазии в исполнения. Просто слишком люблю свою супругу и наших детей. Один уже, старший сын, вырос и доучивается в институте. А близнецы (мальчик и девочка), рождённые пять лет назад, радуют нас детством. Мы ещё хотим ребёнка. Но, возможно, уже через несколько лет будем нянчить внуков.

А вот и следующий заказ. Долго не могу найти адрес, что со мной случается редко. Они уже стоят на улице, неявно ожидая таксиста. Они — это престарелая, но очень элегантная пара. Женщина в чёрном платье с ниткой жемчуга, мужчина в костюме и с тросточкой, как в старых фильмах. Очень приятные люди. На вид им лет 60. А блеск в глазах, как у тридцатилетних.

Мужчина помог даме сесть, закрыл дверь и только после этого, сел сам.

— Нас до «Венеции», пожалуйста! — напомнил мужчина: стариком не могу его назвать. Я лишь кивнул.

— У вас сегодня какой-то другой вид! — обратился он к женщине. И долго не шевелился, видимо, смотрел в её глаза. — Вы хотите что-то мне сказать?

— Я просто рада, что мы с Вами едем в ресторан. Давно не общалась с умным и интеллигентным человеком. А с Вами мне заново интересны некоторые жизненные события.

Это звучало так достойно и тайно, что мне впервые за вечер стало по-настоящему неудобно и одновременно приятно.

— Я так рад слышать это. Мне доставало комплимента. А то я думал, что скучен Вам своими рассуждениями о классической литературе.

— Конечно, нет. Я с удовольствием перечитываю книги, чтобы с Вами их обсудить. Чем еще заниматься в нашем возрасте.



— О, Лизавета Максимовна! В нашем возрасте жизнь может обернуться совершенно новым. И заиграют такие яркие краски! Когда я с вами, чувствую, что жизнь только начинается.

И я в первый раз позволил себе взглянуть через зеркало на сидящих сзади. Мужчина держал за руку «Лизавету Максимовну», и с такой любовью смотрели они друг на друга, что сердце защемило. Ох, какие сильные чувства! Надеюсь, мы с женой в возрасте этих возлюбленных будем так же чувственно держаться за руки.

Влюблённая престарелая пара задержалась в моих мыслях, ведь я так нечасто встречаю приятных людей, или тех, которые вызывают сердечную теплоту. Эти благородные манеры, внешний вид и ... речь настраивали на положительное отношение. Когда я уезжал, приятный мужчина дал мне раза в полтора больше, чем необходимо, улыбнулся и произнёс:

— Молодой человек, Вы не могли бы приехать за нами спустя три часа? Мы не будем звонить службе такси, подождём Вас. Приятная атмосфера у Вас в машине.

Я улыбаюсь и киваю, и сказать ничего не могу — как горло перекрывает. Очень милые люди. Для них я, сорокалетний таксист, молодой человек.

Но работа, прежде всего, и я скорее добираюсь до следующего адреса. Наконец-то следующий мой пассажир едет один. Тучный мужчина, забирается на заднее сидение, и сильно хлопает дверцей. Даже не извиняется, а я ничего не говорю, это бессмысленно.

Телефон у него не звонит, и слышу лишь сильное пыхтение — ему жарко. Включаю сильнее кондиционер, да, у меня хорошая машина. Мы медленно проезжаем автомобильную аварию. Столкнулись 2 иномарки — Тойота и Хендай. Я услышал, что виноват владелец Тойоты, он пьяный ехал за рулём. Я видел, как его выносили в чёрном мешке. Пассажиры Хендая, пара мужчин, стояли неподалёку.

Мой пассажир тоже всматривался в аварию, а потом заговорил, то ли со мной, то ли сам с собой:

— Вот так ему и надо. Нечего ездить в нетрезвом виде. Да и вообще, хочешь водить — отучайся от алкоголя. А то взяли моду. А страдают дети, страдают живые люди. И это из-за таких козлов, как тот, в мешке. Покажут по новостям эту аварию, может, кто-то и встрепенётся, задумается. Иначе на людей не подействовать. Кто-то должен погибнуть, чтобы общество обратило внимание на ситуацию.

Хоть некоторые слова и были правдивы, желчность и явная злоба в голосе меня покоробили. Такие люди, прыскающие ядом из-за какого-то своего недовольства собственной жизнью, недостойны внимания.

Он, видимо, ожидал моего участия в беседе, но когда этого не случилось, произнёс:

— Ты глухой, что ли? Молчишь, когда с тобой разговаривают... Совсем дикий.

И замолчал. Я был рад. Никто из сегодняшних попутчиков не доставил мне такого противного ощущения, как этот злобный и полный мужчина, с красным лицом, страдающий отдышкой и не ценящий чужую жизнь.

По приезду он кинул купюры на переднее сидение и вышел, хлопнув дверью уже специально громко.

Ох, мне необходимо ехать за приятной парой, которая, уверен, согреет салон машины душевной теплотой и приятным разговором. Сейчас это необходимо.

Отвёз их обратно, и, как обновился — так свежо стало. Но на сегодняшнюю ночь хватит с меня работы, поеду к жене.

Домой надо было ехать на другой конец города, и я взял клиента, даже, скорее, попутчика. В машину сел грустный мужчина с цирковой обезьяной. Он — хозяин



Представления, которое приехало к нам в город, мы с женой и близнецами ходили в цирк и вдоволь насмеялись.

Но глаза хозяина были слишком уж грустными. На представлении некто смеётся над их куражами, а они люди, и бывает кому-то из выступающих хочется плакать.

Мужчина всю дорогу молчал, а обезьяна скакала по заднему сиденью. Она всегда была в хорошем настроении: видимо, поела, попила и сделала все свои дела.

Только куда едут мужчина с обезьяной такой глубокой ночью?

А едут они к простому дому, может, там живёт цирковая труппа. Или — знакомые циркача. Или больная девочка, что не видела цирк и живую обезьяну.

Когда мужчина расплывается, обезьянка вырывается на переднее сидение и начинает веселиться там. Я с удовольствием её трогаю.

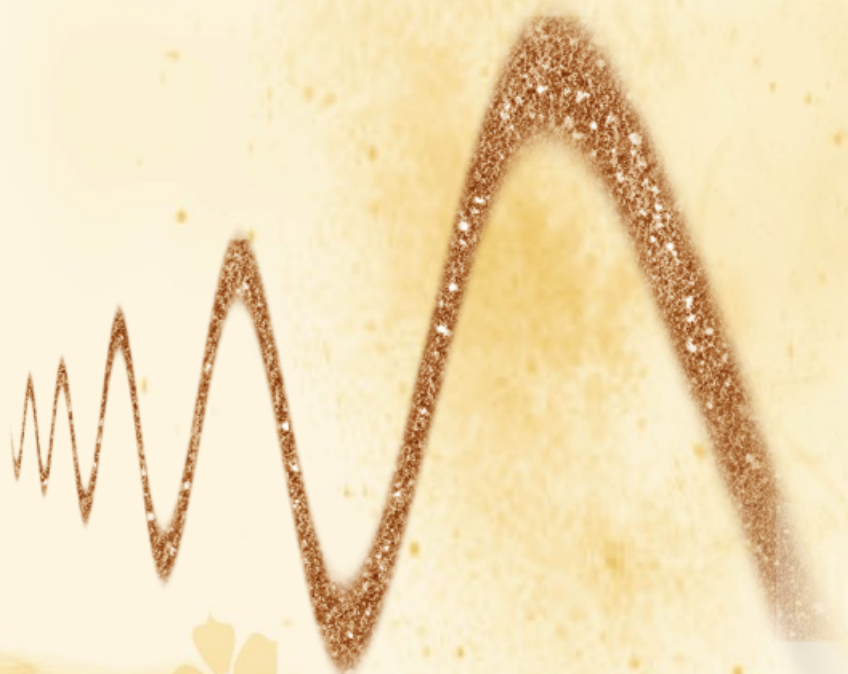
Мужчина извиняется за действие своей цирковой «подруги» и спешно выходит.

Наверное, это и есть грустный циркач, который глубоко внутри плачет во время представления.

Выходя из машины, я замечаю, что обезьянка хаотичным движением тела открыла бардачок. Тянусь закрыть, и вижу белую пластиковую коробочку. Тест...

Поднимаюсь на лифте и вспоминаю сегодняшнюю ночь. Скажу без затей, она была особо трудная. Сильная эмоциональная окраска событий, непрерывная речь, грубые и глупые фразы, люди, что позволяют себе разговаривать в такси о таких личных темах, что хочется выйти. Меня встречает жена, моя мягкая и нежная женщина, обнимает. Дети, конечно, давно спят. Надо поцеловать их, спящих ангелочков.

— «Две полоски», — только и выдыхаю я.



Нам электронный адрес— gazeta_buk@mail.ru

Адрес нашего сайта— <http://gazeta.atakasov.pp.ru>

Адрес нашего форума— [http://gazeta.atakasov.pp.ru/
forum/](http://gazeta.atakasov.pp.ru/forum/)

Наша группа вКонтакте— [http://vkontakte.ru/
club5903087](http://vkontakte.ru/club5903087)

Наша страница на сайте proza.ru— [http://
www.proza.ru/avtor/gazetabuk](http://www.proza.ru/avtor/gazetabuk)

Наша страница на сайте stihi.ru— [http://stihi.ru/
avtor/gazetabuk](http://stihi.ru/avtor/gazetabuk)